

**АЛЕКСАНДР
КОНТОРОВИЧ**

ЧЕРНЫЙ
ПРОВОДНИК

Черные бушлаты

Александр Конторович

Черный проводник

«Автор»

2012

Конторович А. С.

Черный проводник / А. С. Конторович — «Автор»,
2012 — (Черные бушлаты)

Чернорабочие тайной войны – те, кто никогда не выходит на передний план. Люди, чья деятельность навсегда остается тайной, ведь даже при провале они не могут признать свою принадлежность к разведслужбе конкретного государства. История человека, который в течение почти двадцати лет, в одиночку, вел свою тайную войну против могущественных спецслужб Запада, исполняя давний приказ руководства разведки Российской империи. Но все меняется – и вот его деятельность попала в зону внимания НКВД. Здесь тоже интересуются теми людьми, которых Проводник охраняет и оберегает. Какое решение должен принять офицер императорской армии, оставшийся патриотом своей страны?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	41
-----------------------------------	----

Александр Конторович Черный проводник

Спустившись по лестнице, Марина вышла во двор. Вскинув на плечо тощий вещмешок, огляделась по сторонам. Тихонько шурша шинами по песку, из-за угла здания вывернулась черная машина.

– Ну, что стоим?

Она обернулась.

Бесшумно подошедший майор держал в руке папку с бумагами.

– Правильно смотришь, это за нами приехали. Садись.

Переваливаясь по ухабам, машина двигалась по узкой лесной дороге.

Полчаса назад они свернули с более-менее наезженной трассы, и с той поры вертелись по неприметным проселкам. Наконец деревья понемногу расступились в стороны, и впереди появились дома небольшого поселка. Невысокие одноэтажные домики зеленого цвета прятались под кронами деревьев. В разных местах виднелись натоптанные тропки, уводившие куда-то в глубину леса. Чуть в стороне от домов имелась небольшая площадка, уставленная самой разнообразной техникой. Тут были легковые и грузовые автомобили, стоял немецкий бронетранспортер, а в самой глубине площадки на деревянных подпорках расположился фюзеляж «Дугласа».

– Ух ты! Самолет! – не удержалась Марина от эмоционального возгласа.

– У нас там дальше в лесу даже танк есть, – откликнулся майор с переднего сидения.

– А зачем это все здесь? И что это вообще за место такое интересное?

– Здесь, Котенок, ты теперь будешь жить.

– В танке?

– Нет, вся эта техника здесь для тренировок. А жить ты будешь в домике. Вон в том, что на углу поселка стоит. Там, кроме тебя, еще три наши девушки живут. Так что скучать тебе не придется. Это не мужской монастырь. Будет с кем вечерами за жизнь поговорить.

– А делать здесь что придется?

– Для начала посмотри, что ты вообще делать умеешь. А уж от этой печки и попляшем.

Начальником всего этого лесного поселения оказался пожилой подполковник Григорьянц. Звали его Ашотом Семеновичем. Увидев новую обительницу, он только грустно покачал головой. На его лице ясно читалось, что, с его точки зрения, война – совсем не женское дело. Уже выйдя на улицу, майор вскользь заметил, что подполковник не всегда был таким мрачным и неразговорчивым. Когда-то он являлся душой компании. Любил песни под гитару, сам неплохо играл. Но после того как в самом начале войны случайной бомбой превратило в пыль дом, где жила вся его семья, Григорьянц замкнулся, и более никто не слышал от него шуток и песен.

– Но специалист он знатный, еще увидишь старика в деле, – Гальченко скосил глаза в сторону. – А вон и наши обитатели повылазили. И как только они догадались, что я тебя именно сейчас привезу! У них с утра тренировочный выход был назначен, так они специально пораньше прибежали, чтобы нас встретить. Ну, раз так, пойдем, поздороваемся, не будем обманывать их ожидания.

Обитателей оказалось не так уж и много, чуть более двух десятков человек. Преимущественно молодые ребята, возрастом не старше двадцати пяти лет. Девушек среди них не было. Надо полагать, они занимались каким-то другим делом. Глядя на парней, Марина терялась в догадках, по каким критериям их тут всех отбирали. Явно, что не по росту и не по степени физического развития. Все они были разными, и наверняка также отличались друг от друга и по своим способностям. Здороваясь с ними, она пыталась понять, какая изюминка скрыта

в каждом из них. Но по первому впечатлению это было сделать достаточно проблематично. Знаков различия ни у кого из них не было, все были одеты в одинаковые темные комбинезоны, и на первый взгляд напоминали десантников. Приходилось видеть кинохронику, где их показывали.

Вертя по сторонам головой, Марина старалась запомнить имена своих новых сослуживцев. С первого взгляда выходило не очень.

– Хорош горланить! – прервал начавшиеся бурные разговоры Григорьянц. – В столовой уже полчаса как вас ждут. Не обижайте девушек, они для вас специально сегодня угощение готовили.

Столовая располагалась в отдельном домике, который был чуть-чуть больше, чем соседние строения. Несколько столов сейчас были составлены вместе.

– Вам сюда, – указал подполковник место во главе стола. – У нас так заведено: каждого вновь прибывшего встречают все вместе.

– А сюда-то меня зачем?

– Чтоб все видели. Каждый сегодня должен на тебя посмотреть. Свое мнение составить. Не завтра – послезавтра с кем-то из них тебе вместе на выход идти. Оттого и знать друг друга вы должны куда как лучше, нежели обычные солдаты в обыкновенной роте.

– А как я всех узнаю? Или кто с кем идет будет определять начальство?

– Начальство, само собой. Да только и ваше мнение всегда учитывается. Ничего, посидите вместе, поговорите, по лесам побегаете – вот друг друга-то и узнаете. Слушай больше, смотри. Потихоньку все сама поймешь. И не думай, что это именно к тебе отношение такое. Новый человек придет – и ты его так встречать будешь. От того, как первый день на новом месте пройдет, тоже много чего зависит.

Так или иначе, а все впечатления от первого дня оказались какими-то раздерганно суматошными. Ничего конкретного в памяти особо не отложилось. Соседки по дому, вполне компанейские девчонки – Ира и Катя, работавшие в столовой, и симпатичная радистка Маша сразу нашли с Мариной общий язык. Тем более что к тому располагало и скромное убранство девичьего обиталища... Домик был неожиданно уютным. Две небольшие спальни и одно помещение побольше, игравшее роль комнаты для посиделок. Стоило вечером собраться в домике всем его обитательницам, как тут же в комнате появился горячий чайник. С кухни притащили несколько удивительно вкусных ватрушек. И если бы не постучавший в дверь суровый подполковник, то эти посиделки свободно могли затянуться почти до рассвета.

После завтрака народ разбежался в разные стороны. Около домика-столовой не осталось никого, кроме скучающего Котенка. Правда, скука продолжалась очень недолго: вывернувшийся из-за угла майор кивком позвал ее за собой.

– Ну, милая моя, с чего жить начнем?

– Не знаю. Моя основная специальность – все-таки рация...

– Она от тебя точно никуда не убежит.

Подшли к небольшому дому. Около него прохаживался часовой с автоматом на ремне.

– Здесь у нас штаб. Пойдем, прикинем, что к чему.

Кабинет майора был небольшим и по-спартански простым. Ничего лишнего. В углу стоял массивный сейф, напротив двери – стол и несколько стульев. А у самого окна притулился небольшой шкаф.

– Выбирай место, где сядешь.

Марина огляделась и подтащила к себе ближайший стул.

– Почему здесь? – поинтересовался майор, усаживаясь на свое место.

– Ну... Не напротив двери, стало быть, сумею увидеть того, кто войдет.

– Как ты его разглядишь? Спиной же сидишь.

– Краем глаза могу увидеть. Не очень четко, но движение замечу.

- Угу, – кивнул Гальченко. – Принимается. Еще почему?
- Не напротив окна. С улицы меня видно не будет.
- Тоже годится. А если я сейчас из-за стола на тебя прыгну? Поможет тебе твое место?
- Это как это так, товарищ майор? Вам же встать придется. Я и увижу.
- Да? Ну-ну...

И в следующую секунду, не вставая со стула, он перекатился прямо по столу. Выброшенная вперед правая нога резким щелчком снесла стоявший рядом с Котенком стул. Все это произошло настолько быстро и неожиданно, что она почти ничего не успела сделать. Только вскинула руки, защищаясь.

- Вот так, Котенок, – довольно пробурчал хозяин кабинета, возвращаясь на свое место.
- Понятно теперь, отчего у вас на столе ничего нет. Иначе как бы вы по нему катались?
- Соображаешь. Ценю. А отчего на месте осталась? Другие вскакивали.
- Не успела.
- Не врешь. И это хорошо, что не врешь. Тут мне такие бывалоча сказки рассказывали...

И прыжок-де мой просчитали, и много еще чего другого. Только такие сказочники здесь долго не задерживались. В нашем деле главное – себе не врать. Это других можно сколько угодно дурить да лапшу на уши вешать, про свои великие таланты рассказывая. А самому себе сказки придумывать незачем. Не ровен час, поверишь. И тогда финиш – спекся. Не допрыгнешь или не добежишь. Ладно, кое-что мне уже понятно. Распорядок у тебя теперь будет такой. С утра и до обеда с тобой заниматься буду я. После обеда и до отбоя – Петр Степанович. Он у нас человек разносторонний и непредсказуемый. Даже я не всегда могу предположить, что он в следующий момент придумает. А уж худо-бедно не первый год знакомы.

Стрельбище оказалось в пятистах метрах от поселка. Представляло оно собой несколько обвалованных параллельных углублений, на дне которых были расставлены самые разнообразные мишени. В воздухе сухо пощелкивали выстрелы. Поблизости кто-то тренировался.

- С какого ствола начнем? Предпочтения есть какие-нибудь? – поинтересовался майор.
- Мне наган привычен, «ТТ», из маленького «вальтера» стрелять приходилось.
- Ну, наган – понятно. «ТТ» – машинка точная, но не по твоей руке.
- Отчего же? Я же из него стреляла.

Гальченко хмыкнул и повернулся к стоявшему рядом красноармейцу.

– Сбегай-ка к оружейнику и притащи сюда «браунинги», первый и второй номер, «параллелум», обычный наган захвати. А тэтэшник у меня и свой есть.

Боец отдал честь и убежал. Майор вытащил оружие.

– Держи! – и в воздухе мелькнул пистолет.

Шагнув вбок, Марина поймала «ТТ». Гальченко удовлетворенно кивнул.

– Вон там мишень. Попади.

– Куда именно?

– Вообще в мишень. Хоть куда-нибудь. Стреляй быстро, так, как сможешь.

Повернувшись лицом к мишени, Котенок передернула затвор и вскинула оружие. Левая рука привычно легла снизу, поддерживая рукоятку. Выдох – оружие взметнулось вверх.

Бах! Бах! Бах!

Зачастили выстрелы. Щелкнул затвор, вставая на задержку. Она положила пистолет на стоявший рядом стол и обернулась.

– Ну-ну, – кивнул стоящий сбоку майор. – Для начала неплохо, пойдём поглядим, куда попала...

Из восьми выстрелов в мишень пришло шесть пуль. Легли они с сильным разбросом по вертикали.

– Ну, что я могу тебе сказать... На пистолет посмотри.

Марина оглядела пистолет. Ничего особенного. Недоуменно повернулась к своему инструктору.

– Обычный вроде пистолет.

– Мушка.

(А что у нас с мушкой? На месте вроде бы... Только какая-то она низкая...)

– Вроде как пониже она, чем должна быть.

– Правильно мыслишь. Если б ты стреляла, как положено, то все твои пули куда-нибудь в лес и улетели бы. Для горизонтальной наводки даже подпиленная мушка подойдет – здесь ты верно все сделала. А вот вверх-вниз по такой целиться – все пули в «молоко» уйдут.

– Это что же значит, товарищ майор? Я как-то неправильно стреляю? Но меня так учили.

– Манзырев что ли учил?

– Он самый.

– Стало быть, учил он тебя правильно. Оружие – оно ведь не всегда своим и знакомым бывает. Пистолет и трофейным может оказаться. Хозяин его разными фантазиями страдать может. Может, он криворукий или кривоглазый. И под себя ствол соответственно переделывает. А человек, с этими особенностями не знакомый, будет из такого оружия стрелять, как из своего собственного. И попадет... соответственно. Я вот по секундомеру засек, ты на восемь выстрелов одиннадцать секунд потратила.

– Это хорошо или плохо?

– Хорошо в том смысле, что ты своим внутренним ощущениям доверяешь. Мишень не выцеливаешь. Стало быть, есть у тебя чувства, стрелку необходимые. Плохо – в том смысле, что доверяешь ты себе еще не полностью. Слишком много времени у тебя на выстрел уходит.

– А сколько надо?

Гальченко хмыкнул и пошел к мишени. Подобрал с земли валявшиеся в разных местах обрубки поленьев. Все они были приблизительно одинакового размера и одного диаметра. Расставил их на земле и вернулся назад. Поднял со стола пистолет и вставил новый магазин. Передернул затвор.

Плавно повернулся в сторону мишени, одновременно с поворотом вскидывая оружие вверх.

К-р-р-р!

Выстрелы протрещали одной короткой очередью – как из автомата.

– Ну, примерно так...

Котенок посмотрела на разлетевшиеся в разные стороны чурбачки. Последний из них еще катился.

– Ничего себе... Это за сколько ж вы так?

– Если по науке, то положено за шесть секунд. Правда, дистанция в этом случае должна быть поменьше. Секунд в восемь, наверное, уложился.

– Да-а...

– И все-таки, Марина, «ГТ» – это не твой ствол.

– Почему? Я же попала.

– У этого пистолета отдача резкая, патрон сильный. Тебя при выстреле ощутимо отдачей толкает, руки подбрасывает. Сама ты этого не замечаешь, а мне со стороны видно. Когда с места стреляешь, оно еще вроде бы и ничего. Тело потихонечку приспосабливается и эти неудобства компенсирует. А вот ежели с ходу стрелять начнешь... Тут уже совсем другие вещи выходить будут.

Она с сомнением посмотрела на пистолет.

– Но... дядя Саша про это мне ничего не говорил...

– Это Манзырев-то? Да, хотел бы и я с ним потолковать... А из какого оружия он тебя стрелять учил?

– Из нагана. Маленький «вальтер» был, но его потом пулями покорежило...

– Ага! Правильно мужик мыслил. Вот мы сейчас это и проверим...

Спустившийся к столу красноармеец разложил на нем принесенное оружие, получил от майора новое задание и, коротко кивнув, убежал.

– Так! Держи-ка... – в руке Гальченко появился большой пистолет с косо поставленной рукояткой. – Знакомая машинка?

– Немецкий это, я у них видела.

– Точно! Пистолет Борхардта-Люгера, был принят на вооружение еще в мировую войну! С тех пор, конечно, много воды утекло, модернизировали его неоднократно... но, в целом, все то же самое осталось. Посмотрим, как у тебя руки к нему привыкнут...

Незнакомое оружие уверенно легло в руку. На первых порах трудно было привыкнуть к незнакомому механизму перезаряжания, но потом природное упрямство взяло верх, девушка освоилась и уже более-менее уверенно отстреляла пяток магазинов.

Инструктор задумчиво пожевал губами и присел на корточки возле мишени.

– Угу... ну вот, тут результаты уже интереснее... Разброс меньше стал... В принципе, для работы машинка подходящая... разве что... – он с сомнением оглядел тонкую фигурку девушки. – Нет! Тяжеловат он для тебя.

В следующие два часа они перепробовали еще несколько пистолетов, и каждый раз Гальченко находил что-то, что ему не нравилось.

Сделали перерыв, после чего занятия пошли по-новой. Майор заставлял ее вскидывать руку с оружием, резко поворачиваться и приседать.

Солдат то и дело приносил на рубеж новые пистолеты и револьверы. Наконец майор удовлетворенно кивнул.

– Ну, вот... это уже на что-то похоже...

На столе перед ними лежал какой-то странный, укороченный наган.

– Это, Котенок, «жандарм». А точнее – револьвер «наган», укороченный вариант. Сделана такая штучка специально для скрытого ношения и использования в оперативных целях. И под твою лапку она будет в самый раз. Ну-ка...

Револьвер действительно лег в ладонь, как влитой. Инструктор одобрительно похмыкал.

– Давай, резко повернись и руку вскинь! Так! И еще раз! Вот смотри – оружие у тебя никуда дальше не вылетает, и инерцией его не забрасывает. Что это значит?

– И что же?

– А то, дорогая моя, что вес этого ствола очень точно сочетается с твоей мускулатурой. Быстро ты его чувствуешь и легко управляешься. Нет, стрелять-то ты у меня из всякого оружия будешь, до пулемета включительно! Но штатным, личным твоим стволом, будет теперь этот револьвер. Точнее – два револьвера. Для начала. Потом тебе еще пистолеты по руке подберем. Ибо будешь ты стрелять с двух рук!

– А смогу?

– Пробовала раньше?

– Пару раз... но так, не очень вышло. Времени не было.

– Научись, это дело наживное. Ладно, у нас обед на носу, так что давай, сворачиваем манатки и пошли на перекус.

Сытный обед провалился в желудок почти мгновенно. Даже в сон слегка потянуло. Так и хотелось присесть на солнышке и подремать – ну, хоть чуточку! Увы... не вышло.

– Ну, дорогуша, присаживайся! – новый преподаватель оказался уже совсем пожилым дядькой с седыми волосами и такими же усами. Роста он был невысокого, худощавый и какой-то сонный.

«Странно, – думала Марина, разглядывая его, – что же в нем такого непредсказуемого? Обычный дядька... даже, скорее, дедушка...».

– И каким ветром занесло тебя, моя красавица, в наше чертово гнездо? – полюбопытствовал дедок.

– Так, перевели... вот и все...

– Э-э-э, нет, голуба! Сюда просто так не попадают. Какое-то выдающееся злодеяние совершить надобно! – назидательно поднял вверх палец седоусый.

– Да ладно тебе, Степаныч! – укоризненно проворчал майор, сопровождавший ее в этот неприметный домик. – Совсем бедную девушку в краску вгонишь. Будет теперь думать о нас неведомо что.

– И-и-и... про тебя самого, сколько ни думай, а и половину твоих художеств измыслить не выйдет! – отмахнулся тот. – Не смотри, дорогуша, что он такой тихий да обходительный. Тот еще фрукт, ты уж мне поверь.

Майор только головою покачал. Видно было, что они оба уже давно привыкли к таким вот дружеским подколкам, как-то не соответствовавшим обычному армейскому стилю.

– Ладно... – проворчал Степаныч. – Делать нечего... Попала нога в колесо – пищи, а беги! Будем с тобой работать...

Он прошелся по импровизированному учебному классу, достаточно большому, но плотно заставленному какими-то непонятными из-за скрывавших их чехлов предметами обстановки.

– Вот скажи мне, дорогуша, – произнес седоусый, останавливаясь напротив нее. – Представь себе – ты в тылу врага. Оружия нет, и вообще всякие смертоубийственные штуки применять нельзя. У тебя с собою вот эта папка.

На стол легла небольшая коричневая папка для бумаг.

– Времени у тебя – две минуты. Потом здесь устроят обыск. Твоя задача – спрятать папку с ее содержимым так, чтобы противник ее не нашел. Понятно?

– Спрятать надо здесь?

– Именно так. Сейчас мы из комнаты выйдем, и можешь начинать. Запомни – две минуты.

«Они вышли, стало быть, времени совсем мало! Куда прятать? Самое логичное – под брезент. Так? Не так – это и для них самое логичное место. Стол? Закрыт. Куда же?» – Девушка обежала глазами комнату. – «Шкаф? Отпадает... слишком очевидно. А в папке что? Бумаги... так, минута уже долой! Черт возьми, но ведь какое-то решение должно же быть? Еще раз... столы, шкаф, стулья... потолок? Там идут какие-то короба... Нет. Время! Совсем уже не осталось! Ну же!»

Стукнула дверь.

Марина стояла посередине комнаты, прижав руки к груди.

– Ну как?

Она кивнула.

– Да... я спрятала.

Степаныч остановился на пороге и внимательно осмотрел комнату.

– Чехлы нетронуты – молодец! Шкаф? – он подошел поближе и окинул его внимательным взглядом. – Нет, дверцы не открывались...

– А как вы это поняли, товарищ инструктор?

– По имени-отчеству меня зови... Иди сюда, – поманил он ее рукой. – Присядь. Видишь?

Под дверцу шкафа были засунуты совершенно незаметные сверху обломки спичек.

– Открой ты дверцу – они и попадали бы.

– Хитро придумано, Петр Степанович!

– А то ж! Не одному человеку такие вот мелочи жизнь спасали! – усмехнулся в усы довольный преподаватель. – Ладно, давай дальше глядеть.

Он шел по комнате, показывая своей ученице малозаметные для глаза мелочи, по которым он определял нетронутость тех или иных предметов, тыча пальцем во всевозможные ухоронки, объяснял их преимущества или недостатки.

Осмотрев комнату, удивленно приподнял бровь. Сидящий боком на столе Гальченко болтал ногами и насвистывал какую-то мелодию, ехидно косясь на своего товарища.

– Хм! А ты хитрая девушка! – уважительно наклонил голову инструктор. – Да-а... не ищешь проторенных путей...

Остановившись посередине комнаты, он неторопливо стал поворачиваться вокруг. Довольно хмыкнул. Подойдя к своему стулу, сунул под него ладонь.

– Опа! – жестом фокусника предъявил он майору папку.

– Десять минут, – глянул тот на часы. – Неплохо!

– Товарищ майор, – осмелела девушка, – а вы в папку загляните...

Гальченко спрыгнул со стола и взял из рук инструктора папку. Открыл.

– Хм! А бумаги где?

Улыбнувшись, девушка развела руками.

– У меня нет. Вы же сказали – спрятать.

– Что скажешь, старый? – повернулся он к Степанычу. – Объехали тебя?

– Шас... – буркнул тот. – Не дождетесь...

Он снова возобновил свои поиски, на этот раз передвигаясь более медленно. Пройдя уже половину комнаты, вдруг остановился. О чем-то задумался и, подойдя к Марине, взял ее за руки. Поднес ее пальцы к глазам, всмотрелся.

– Ах ты хитрунья!

Отпустил руки и снова окинул взглядом помещение. Вернулся к столу и провел руками по сиденью стула... по спинке...

– Вот! – вытащил он из-под дерматина спинки пачку бумаги. – Ну, ты и ловкая!

– А... как вы догадались? – схватилась за подбородок девушка.

– У тебя ноготь сломан – ткань оттягивала, чтобы бумаги запихнуть, – пояснил инструктор. – А в кабинете таких мест мало – всего два. Обивка у картины – той, что на стене висит. И спинка стула – она дерматиновая, внутрь засунуть что-то можно. Больше некуда спрятать. В сиденье стула еще можно запихать, но его пока разберешь...

– Ну, молодец! – похлопал в ладоши майор. – Не совсем правильно, но дело не в этом.

– А в чем, товарищ майор?

– Цель у этого задания одна – выявить, можешь ли ты мыслить быстро, а главное – нестандартно.

– И как?.. – голос у Марины погрузнел.

– Степаныч! Что скажешь?

– Может. И даже очень может! Чтоб меня, старого воробья, да на мякине провести... тут мало у кого такая соображалка выросла. А у тебя – растет понемногу! Так что, дорогуша, будь тебе у меня частым гостем, уж не обессудь! – хищно потер ладони старый инструктор.

Уже выйдя на улицу, Марина повернулась к Гальченко.

– Товарищ майор, а зачем вот это все? Ну, я понимаю – стрелять учиться нужно. Радиодело знать – так это само собой. А вот эти штуки непонятные... нет, оно тоже, наверное, зачем-то нужно. Только не понимаю я этого...

– Хм... Ладно, надо было это сразу сказать. Садись! – указал он ей на небольшую скамейку справа от дорожки. – Ты вообще что себе думаешь – куда попала?

– Ну... часть какая-то специальная. Раньше я в разведке числилась, но там такого не было. Наверное, что-то еще более серьезное?

– И намного более! Значит, слушай сюда! – прихлопнул он ладонью по колену. – Для всего окружающего мира, для любого другого человека или военнослужащего всякий работающий здесь сотрудник принадлежит к Управлению Особых отделов – УОО НКВД. И проявлять излишний интерес к нашей деятельности никому не рекомендуется. Понятно? Впрочем, я и сам с трудом себе представляю такого вот любопытного товарища...

– Это что же, диверсантов теперь ловить придется?

– И их тоже. Но это все для окружающих, дабы не слишком свой нос совали куда не надо. На самом деле, дорогая ты моя, задачи наши несколько более обширные. Ты на своих сослуживцев посмотрела?

– Да, товарищ майор.

– И что увидела?

– Да... разные они все. Я-то думала, что в специальную часть отбирают людей по каким-то особенным признакам или способностям...

– Нашла такие?

– Нет. Ничего особенного не увидела.

– А это потому, что таких признаков, во всяком случае – внешних, ни у кого из них нет. Да и ты сама – что, сильно от окружающих отличаешься?

– С чего бы это вдруг? – удивилась девушка. – Две руки, две ноги, голова – все как у людей!

– Правильно! А отличия все – в голове, вернее, в ее содержимом. Все люди, Котенок, разные. Но вот некоторые из них чуть-чуть по-другому мыслят, немного иначе на разные вещи реагируют... Я не спорю, любого человека можно научить сверхметкой стрельбе или сделать из него мастера по борьбе – дай только время. Но один к этому придет за десять лет, а другой – за год. Разница есть?

– Есть, конечно!

– В идеале нам бы всех солдат таким вот фокусам научить... Но, увы – нет у нас столько времени. Да и сил таких, откровенно говоря, тоже нет. Вот на меня посмотри – сколько лет я, по-твоему, такими вот штуками занимаюсь?

«На вид ему... лет сорок или даже больше. Ну, допустим, в армию он, как и все, пошел в восемнадцать лет... Это выходит – в Гражданскую еще? Да, пожалуй... А тогда таких бойцов готовили? Наверное... Хотя вряд ли, их теперь много было бы! И в Испании, наверное, такие люди воевали бы. А про это не писали тогда. Впрочем, возможно, потому что секретно все это, вот и не пишут ничего про подобные вещи», – промелькнуло в голове у девушки.

– Ну... лет двадцать, наверное. Так?

– С тринадцатого года. А Петр Степанович – так еще и дольше. Вот и посуди – есть ли у нас сейчас столько времени, чтобы таких специалистов готовить?

«С тринадцатого? Это с кем же он тогда воевал? После семнадцатого понятно – с белыми, иначе сейчас за границей прятался бы. А в эти четыре года – с кем? Неужто он из подпольщиков еще?» – подумала Марина, а вслух ответила первое же, что только пришло на язык.

– Нет. Война же!

– Да и без войны эта задачка сверхсложная. Словом, нашлись умные люди да поставили этот вопрос ребром. Отчего один человек все быстро схватывает, а второй тормозит? Стали искать людей, что к быстрому обучению способны. Нашли таких. Мало – но нашли. Начали соображать – что у них у всех общего?

– И что же?

– Это тоже скоро поняли. Выделили признаки, по которым людей подобных можно выявить, стали уже более серьезно к таким задачам подходить. Выяснилось, что человек такой не только быстро все схватывает, он еще и работает быстро. И мыслит нестандартно.

– Как?

– Не заученно. То есть в каждом конкретном случае выбирает наиболее подходящий вариант действия. Вот как сейчас – с папкой. Ее по-разному все прятали, а вот документы вытащить – ты первая сообразила.

– И что, всегда ее находили?

– Один раз не нашли. Есть у нас в группе такой парень – Паша, познакомись еще с ним, так он ухитрился ее на днище шкафа присобачить. Загнал в щелки спички да на них укрепил папку.

– Здорово! Я и не додумалась даже!

– Зато ты документы спрятала. Ладно, отвлеклись мы что-то... Так вот, Марина, место, куда ты попала, и есть такой центр обучения и подготовки. И задача твоя сейчас в том состоит, чтобы проявить свои способности во всей красе. А от этого и будет зависеть, куда тебя потом направят. Выпускники наши в разведке работают, шпионов ловят, диверсанты среди наших ребят есть, да и всякие прочие специалисты тоже присутствуют. Во время учебы у всех скрытые таланты по-разному открываются. Вот и на тебя поглядим – к чему ты лучше подготовлена?

– Понятно...

– Завтра получишь новые документы. Там будет написано, что их владелец проходит службу в УОО НКВД.

– А на самом деле?

– Вот любопытная какая! А тебе зачем это знать?

– Меня же сюда не в куклы играть привезли?

– Хм! Что называется – ловко ушла от ответа... – майор усмехнулся. – Ладно! Все равно подписку давать будешь о неразглашении. Эта часть – учебный центр Управления «В» НКВД СССР. А ты отныне – сотрудник этого Управления.

– Надо же... Я – и в НКВД? Даже удивительно...

– Чего ж тут такого удивительного? Не боги горшки обжигают...

Марина с удивлением посмотрела на майора. Чекист – а про богов вспоминает! Хотя они тут все какие-то странные и непривычные. Вполне возможно, что и не такие еще вещи увидеть предстоит...

До вечера ей пришлось бегать по различным строениям маленького городка. На оружейном складе усатый старшина выдал два «жандарма» и несколько пачек патронов. На вещевом – навалили целую гору всевозможного снаряжения, состоявшего из самых разнообразных предметов, о некоторых из них она ранее даже и не слышала. Последний на сегодня визит состоялся в медпункт. Врач, самым тщательным образом осмотрев Марину и подробно записав результаты осмотра, приказал прийти еще раз через неделю. Совершенно ошеломленная всеми впечатлениями дня, она ночью спала как убитая.

Новый инструктор удивил Марину. Он расслабленно сидел у опушки обширной поляны, глядя куда-то вдаль, при этом держал в левой руке дымящуюся папиросу, а правой слегка постукивал себя длинным ивовым прутиком по кирзовому сапогу. Его папироса почти погасла, а он, казалось, просто грелся в лучах весеннего солнца и был так погружен в это занятие, что не замечал ничего вокруг.

Один из курсантов вежливо кашлянул, пытаясь привлечь к себе внимание инструктора. Сидящий неторопливо приподнял брови и плавно повернул лицо к пришедшим, явив им свои густые усы и аккуратно подстриженную бородку, обильно тронутые сединой.

– Собрались... – не то вопросительно, не то утвердительно произнес он.

– Так точно, товарищ ... инструктор, – за всех отозвался высокий Виктор, стоявший подле Марины.

– Это хорошо!

Инструктор встал, оправил гимнастерку на своем слегка обозначившемся животике. Бросилось в глаза то, что одежда его – военного покроя, но никаких знаков отличия на ней не имелось. Отсутствовал и головной убор.

– Будем знакомы. Михаил Владимирович. – Он слегка склонил голову, выдав этим то, что воспитание получал еще при прежней власти. – Правда, все курсанты зовут меня дедушкой, что в целом соответствует истине, так как внуков я имею.

Это было сказано так, что Марине захотелось сделать реверанс.

– Моя задача – сделать из вас «мусорщиков».

– Кого-кого? – вырвалось у кого-то в задних рядах.

– Мусорщиков! То есть людей, которые умеют всегда и везде находить и при необходимости убирать со своего пути мусор. А что есть мусор? – неожиданно обратился он к стоящему впереди всех широкоплечему курсанту с азиатской внешностью.

– Ну, наверное, что-то старое, протухшее, сломанное, ненужное...

– А вы как считаете, мадмуазель? – перенес дед взгляд на Марину.

– Я думаю, что мусор – это то, что валяется не на своем месте.

– Вот, – радостно подтвердил дед и поднял вверх указательный палец. – Лежит – под лавкой кот!

Он обвел всех торжествующим взглядом.

– А мусор – именно что валяется, причем не на месте! То есть там, где его быть не должно, – напирая на первый слог, констатировал он. – Валяется, где его быть не должно и, стало быть, мешается! Так-то! А что есть мусор на поляне, что перед вами расположена?

– Ну, железки всякие, бумага...

– Именно так! А еще сломанные палки, особенно крупные, место которым в густом лесу между деревьев, и которые никак не растут на этой поляне, а еще бечевки, тряпки, проволока и оставленные кем-то предметы... То есть все, что на этой поляне само по себе вырасти никак не могло и от ветра прилететь сюда тоже никак не способно. Но учтите, *наш* мусор, упирая на слово «наш», подчеркнул он, – сам по себе в глаза не бросается. Он бывает часто скрыт, спрятан, умело замаскирован вражьей рукой.

– А для чего нам все это?

– Во-первых, ваше внимание это тренирует, а во-вторых, от этого впоследствии частенько жизнь ваша зависеть будет. Ведь мусор мусору рознь. Так-то!

Дед сделал паузу, обведя всех своим внимательным взглядом.

– Вот не так давно под Выборгом один офицер, – неожиданно для всех употребил он старорежимное слово, – нашел в снегу возле тропинки закупоренную фляжку и цапнул ее всюю пятерней...

При этих словах некоторые из присутствующих ощутили во рту сухость.

– Пить, видите ли, ему захотелось, – сапер опять сделал длинную паузу, обведя всех пристальным взглядом, и внезапно отрезал, – ну, так впредь будет свою жажду укрощать! Оторвало ему всю его цапку! Так-то!

Инструктор достал из кармана белую пачку каких-то явно иностранных папирос и, вытащив одну, дунул в нее и зажал уголком рта. Этот жест вызвал встречное движение некоторых курсантов, торопившихся достать свои коробки со спичками.

– Не надо спешить делать добро, если вас об этом не просят, – дед жестом остановил инициативу снизу и продолжил почти без паузы. – А теперь поглядите внимательно перед собой. На эту опушку и полянку, что лежат перед вами. Что-то необычное видите, или все хорошо?

– Вон там банка в траве валяется!

– А там трава примята!

– И слева трава какая-то пожухлая!

– А вон, я вижу, колышек из травы торчит!

– Колышек, говорите, – неожиданно оживился инструктор, до того только молча кивавший в ответ на каждый возглас. – А чем нам с вами этот колышек помешать может? Скажем, вот такой!

Неожиданно в его руке, словно сам по себе, возник небольшой колышек.

Все внимательно посмотрели на этот заостренный с одной стороны кусочек дерева, сантиметров двадцати – двадцати пяти в длину.

– Споткнуться об него можно, – насмешливо произнес круглолицый курсант Кашин, отличавшийся ироничным отношением ко всему окружающему.

– Можно, только вот одного колышка для этого маловато будет, – неожиданно миролюбиво отозвался дед. – А как еще?

– Ну, наверное, можно заострить его с двух сторон. Напорешься – ногу повредишь.

– Может, и повредишь, но если на ноге сапог или ботинок – толку от этого мало. Хотя подобные ловушки применяются и сегодня. Они от папуасов пошли, но если на ноге ботинки, то надо сделать, чтобы противник ткнулся в них не ногой, а рукой, а лучше так прямо и лицом своим, верно? А что для этого надо? Чтобы он с размаха полетел, так? Как этого добиться?

– Наверное, можно воткнуть два колышка и связать их веревочкой, – неуверенно протянул кто-то на левом фланге.

– Верно! Но лучше всего сделать из проволоочки петельку, а уж ее как следует привязать к колышку, который загнать в землю под самый корень!

Пока Михаил Владимирович рассказывал об этой ловушке, его руки жили будто сами по себе, и Котенок с удивлением наблюдала, как в его руках, словно по мановению волшебной палочки, образовалась самозатягивающаяся петелька из тонкой черной проволоки, свободный конец которой тут же крепко накрутился на колышек. И почти одновременно с последними словами мастера все сооружение было вогнано каблуком в землю как раз «по самый корень».

– Вот видите, – переведя дух, продолжал дед, расправляя петельку над травой. – Теперь если кто-то пойдет отсюда туда и угодит ногой в петлю, то... что с ним случится?

– Может брякнуться со всего размаху.

– А куда?

– Точнехонько вот тут и растянется!

– Хорошо! Значит, если мы вот тут, тут и тут – на уровне его груди и головы натываем обоюдоострых колышков, то мало ему не покажется, верно?

– Так точно! – оживился личный состав. Воистину, перспектива сделать очередную бяку противнику воодушевляла всех лучше, чем вечерний компот в столовой.

– А зимою это лучшая засада против лыжников – связистов, что бегают с донесениями по проложенной лыжне. Только колышек зимой надо брать чуть подлиннее и потолще. Вбивать его в лыжню надо на спуске где-нибудь. Водичкой из фляги полить и сам колышек, и место, куда пациенту падать предстоит. Вот лыжник-то со всей дури носом землю и боднет! Тут его и бери тепленького. Так что и папуасы, как видите, нас много чему еще научить могут. Вот вам и мина без капли взрывчатки.

Курсанты оживленно загалдели, обсуждая перспективы устройства подобных ловушек.

– А теперь давайте обратно на нашу полянку глянем, – прервал Михаил Владимирович оживленное обсуждение курсантов и обернулся к поляне. – Задача у нас простая. Пройти через оную поляну вон туда, в дальний угол, к толстой кривой березе. Матчасть подрывного дела, судя по итогам зачетов, вы все неплохо изучили.

– Так точно!

– Эх, не я у вас тот зачет принимал... – дед недобро прищурился. – Ладно... Настало время ваши теоретические знания употребить на практике.

Инструктор опять сделал длинную паузу и обвел курсантов своим изучающим взглядом.

– Напомните-ка мне, – неожиданно обратился он к Кашину, с лица которого не сходило насмешливо-ироничное выражение, – с чем мы можем тут встретиться?

– Противопехотные мины немецкой армии S-35 шрапнельные выпрыгивающего типа, при разрыве на высоте шестидесяти – восьмидесяти сантиметров от поверхности земли поражают личный состав на расстоянии пятнадцати – двадцати метров готовыми пулями шарообразной формы. Кроме того, немецкие саперы могут изготавливать минные заграждения на основании стандартных подрывных зарядов массой двести – пятьсот граммов, противопехотных гранат M-24 и M-39, оснащенных минными взрывателями. В зависимости от задачи, подрывные заряды и противопехотные гранаты могут быть установлены как инженерные мины натяжного и нажимного действия, что определяется типом поставленного в мину взрывателя! – четко, как по-писанному, отбарабанил тот.

– Верно! И какие же взрыватели мы можем встретить здесь?

– Взрыватели натяжного действия ZZ 35, взрыватели нажимного действия DZ 35, или SMiZ 35, – отчеканил Кашин, и на его лице опять проступила насмешка.

– И никаких больше??

– Никаких!

– Никаких, говоришь? А ну-ка, подай мне мой ранец, – инструктор опять сел на облюбованный пенек, запустил руки во внутреннее отделение трофейного пехотного ранца с рыжим мохнатым верхом.

Все, как зачарованные, следили за его манипуляциями.

– Вот скажи мне, мил-друг, что это такое, – он протянул на раскрытой ладони что-то алюминиевое, похожее на гномика в широкополой шляпе.

Кашин внимательно разглядел изделие.

– Не знаю. Могу предположить, что что-то нажимного действия, но что это – точно не скажу.

– Никаких, говоришь? А про трофейные взрыватели ты забыл? Немцы ведь пол-Европы захватили. А в тридцать девятом у друзей-финнов и с ихним финским разнообразием познакомились – про это опять же не подумал. Ну, ладно, за знания матчасти хвалю, а в наказание за отсутствие соображаловки для первого раза обойдемся профилактикой. Поройся у меня в том, что лежит в ранце, и оснасти-ка три мины тремя разными взрывателями, о которых мне только что рассказал. И установи их, пожалуйста, – он оглянулся, – вон там позади у кустика, что возле тропинки. Но поаккуратнее! Все капсули, и воспламенители, и детонаторы – боевые. Так что нескольких пальцев при неаккуратной работе лишиться можешь. Вперед!

Подхватив ранец, курсант потопал в указанном направлении.

– Так-то, голуби мои, – обернулся дед к остальным, которые словно замерли. – А мы с вами давайте вернемся к нашей задаче. Щупом пользоваться умеете?

– Так точно!

– Ну, щупа у меня нет, будем использовать подручные средства. – Михаил Владимирович срезал недлинную палку, к которой прикрутил штык от трехлинейки. – Кто первым пойдет?

– Я! – вызвался Виктор, который буквально ел глазами пучок травы, возле которого виднелась консервная банка.

– Держи! – Инструктор протянул ему свой щуп.

Виктор уверенно кивнул, не глядя, ухватил громадной лапой палку со штыком и решительно направился к поляне.

– Бах! – раздалось откуда-то справа, и дружно залегших курсантов обсыпало чем-то белым из разорванной консервной банки, спрятанной под кустом в полутора метрах от них.

– Куда же ты, милый, полетел, как олень на олениху во время гона? А под ноги кто смотреть будет?

Все невольно перевели взгляд под ноги и заметили там тоненькую проволочку, что кольцами покатывалась вдоль фронта.

– Сработала мина натяжного действия. Прототип – финская трубчатая осколочная мина образца тридцать пятого года. Радиус поражения – пять метров. А вы почти все, как бараны, стадом стояли! Так что все, кто попал под действие мины – выведены из строя. У нас ее имитировала банка с взрывпакетом, усиленным песком пополам с зубным порошком. А ежели бы тут было две буровые шашки тротила и толстостенная стальная трубка, то все, кто стоит правее меня, были бы убиты либо ранены. Кто в живых остался? – он обратил взгляд налево, где сиротливо замерла Марина. – Одна ты живая, что ли?

– Так точно! Курсант Барсова готова к выполнению задания!

– Барсова, говоришь... Ну, стало быть, тебе единственной сегодня этот маршрут и проходить. Так что бери щуп и вперед, пантера ты наша! Так-то!

Инструктор забрал щуп из руки условно убитого Виктора и жестом подозвал Марину.

– По времени я тебя не ограничиваю, но учти! Некоторые свои мины я оснастил небольшими буровыми толковыми шашками. А сколько такая шашка весит?

– Семьдесят пять граммов, – автоматически ответила девушка, протягивая руку за щупом и чувствуя, как ее наполняет какое-то волнение.

– Ну, дак я их упополамил, не бойся, но чесночный запахок тола и бубум по ушам ты получишь как по ногам, если не будешь аккуратна. Оболочки у них нет, так что осколков не опасайся. Но головую прикинь – что с тобою станет, ежели такая шашка неподалеку от тебя жажнет. Правда, счастье твое, в особенно опасных местах и их нет – только детонаторы. Но где что... – развел он руками, – сразу не скажешь, так что – бойся!

В шеренге «пораженных» сочувственно вздохнули.

– Нечего мне тут вздыхать, убитые! Вы сами свое счастье упустили. Так пусть хоть девочка его испытает! Так-то!

«Убитые» подавленно замолчали. Назвать разрыв под ногою «счастьем»...

– А ты, девонька, не менжуйся. Главное запомни! Дальноркость вам всем еще долго, ой как долго не понадобится. Ты теперь глядеть будешь не дальше двух шагов перед собой... И по бокам... Да на полметра под землю, не меньше! Понятно? Вдоль опушки я посадил мины по немецким наставлениям, а вот дальше... пойдут уже мои художества. С ними будет потруднее! Так что не спеши. Тише едешь, дальше будешь! По времени тебя не ограничиваю. Твоя задача – отмаркировать мины, которые найдешь. По твоим следам пойдет группа. Подрывать тебе категорически запрещаю! Так-то!

Марина взяла щуп в правую руку и покачала им. Увесистый. Потом оглядела землю перед ногами. Не спеша сделала небольшой шаг вперед. Тихо!

Как там дядя Саша говорил? «Думай за врага, поставь себя на его место. И где это место?»

Она оглядела свой предполагаемый маршрут, потом опять перевела взгляд на землю перед собой.

Трава... такая изумрудно зеленая. Недавно вылезла, ну и неудивительно – апрель на дворе. Еще и снег в лесу встретить можно... Трава мелкая и нежная. Про пожухлость прежний инструктор говорил, стало быть, как там насчет ее свежести? Но раз про это он упомянул, то и использовать этот фокус не станет. А почему, кстате говоря? Потому ли, что это слишком очевидно? Михаил Владимирович – старый спец, тогда, говорят, всякие штуки хитрые изобретали. Нет уж, смотрим в оба!

Первый пожухлый прямоугольник размером с носовой платок обнаружился совсем рядом – метрах в двух от начала маршрута. Чуть заметно поникшие травинки почти не выделялись на общем фоне. Чуть левее, примерно в метре, виднелся такой же островок. Щуп уткнулся во что-то твердое. Отложив его в сторону, Марина ножом срезала веточку с ближнего куста.

Воткнула в землю около обнаруженного предмета, наклонив, как учили, прямо над центром опасной зоны. Почин есть!

Ага, а вон там, подальше сверкнула проволочка мины натяжного действия. Обойти? Но слева и справа тоже что-то есть. Вон там вроде как трава примята, а там опять зелень подзавяла. Тем более что изменение направления движения на минном поле – это лишняя возможность для подрыва. Будем шагать по возможности прямо. Она выбрала место перед струной и тщательно изучила его штыком. Пусто. Обозначила струну двумя ветками, наклоненными друг к другу. Теперь посмотрим, что за ней?

Опять поработала штыком. Вроде пусто. Аккуратно переступила через проволоку и перевела дух.

Дальше ее увлекла эта игра. Сначала – гляди в оба. Потом щуп под углом градусов тридцать к земле и осторожно проверить дальнейший путь. Ничего? Тут тоже ничего? Рискнем? Шаг вперед. Опять смотрим. Щуп вперед... Ее стройная фигурка двигалась, словно плыла по минному полю... Пусть не быстро, но безостановочно.

Дед выкурил, наверное, уже три или четыре папиросины, не сводя глаз с Котенка, и явно переживая за нее...

А это что еще тут? Ручей? Смотри-ка, ширина небольшая, но не перепрыгнешь, глубина – по щиколотку. Берега топкие, травянистые, а дно – галька с песком. В воде маленькие шустрые рыбки и большие окатанные камни, оставшиеся, наверное, со времен нашествия ледника.

Как ручей переходить? В воду неохота, пусть на ногах сапоги, но и они текут. Хотя в воде, кажется, мины не ставят. Или ставят? Как там на занятиях говорилось? Что в них пихают? Взрывчатка в минах – тротил – ему вода не страшна. Аммонит и прочие подарки ее не любят. В любом случае – взрыватель воду тоже не очень обожает. А если корпус деревянный? Разбухнет, может заклинить... или не может? Какой у верхней крышки зазор? Черт, да о чем это я? Все равно вес человека чеку сдернет! Еще один камень – большой, хороший... прыгнуть? Нет, уж лучше пешочком... по воде, щуп вперед! Пусто... пусто... так, еще шажок... Вот и целая группа валунов – на них выходить надо.

Этот дед точно что-то поставил!

Но где?

А может быть, вон по тем камешкам перейти, если на них запрыгнуть?

В метре от воды она остановилась, продолжая внимательно оглядывать свой предстоящий путь. Слева виднелась натоптанная тропинка, ведущая к лежащему через протоку бревну – ни камней, ни кустов. Красота, но сердце ныло – не ходи туда! Почему? А в самом деле – почему? Травы там нет. Но в песок много чего зарыть можно. Да и под бревно тоже.

А давай-ка щупом потрогаем этот спуск. Щуп как раз уткнулся во что-то. Мины? Не факт... Могут быть и камни. Но тяжело на сердце. Очень тяжело. Нет, лучше рисковать не будем. Но вот веточку поставим... И с собою прихватим чуток – где я их в ручье найду?

Если попробовать вон по тем небольшим камешкам? Вряд ли кто-то крупный может пройти по ним. Но я некрупная – смогу.

Прыжок!

Крайний камень устоял. Теперь на следующий, а там шагну на второе бревно, на которое с берега никак не зайдешь. Прыгнуть, что ли? Камень вроде бы крепкий, стоит прочно... И опять что-то гнетущее на сердце. Предчувствие. Как дядя Саша говорил? Слушай себя. Верь своим чувствам. Нет, как ни хочется, но придется ступить в воду. Дно тут крепкое, вряд ли кто-то стал бы в дно мины ставить. Глупо это.

Выбравшись на очередной камень, Котенок перевела дух. Оглянулась – и холодная струйка пота пробежала между лопаток. Хорошо видимый в прозрачной воде, прислонился к тому самому «крепкому» булыжнику темно-зеленый металлический цилиндр. Прыгни она на камень, «подарок» неминуемо бы упал от толчка. Даже от волнения воды упал бы. На первый

взгляд, в него вполне можно запихать не менее полукилограмма взрывчатки. Рванет такой – костей не соберешь!

А водичка-то холодная! Да и глубина тут у протоки поболее чем по щиколотку будет. Ай! Сапоги залила! Марина уже подняла было ногу, чтобы выбраться на следующий камень и переобуться, как вдруг замерла. Возле самой ноги, вплотную к камню, из воды высовывался какой-то темный цилиндр с «тройником», замаскированным пучком травы, от которого вправо и вперед протянулись тонкие проволочки, а сверху торчали три «усика» SMiZ 35. Мина! В воде! Вот тебе и раз! Не иначе как сюрприз самого деда. Вряд ли эта установка штатная. Если бы пошла дальше к бревну, рассчитывая на то, что мин тут нет, напоролась бы.

Ничего, потерпим... походим с мокрыми ногами... Втыкаем рядом с камнем очередную веточку, оглядываемся как следует. Теперь щуп вперед, правее проволочки. Вязко, но протыкается. Шаг вперед, опять смотрим. Щуп вперед, шаг вперед, пауза... переведем дух. Опять смотрим, щуп вперед, шаг вперед...

А вот и третье бревнышко. И лежит очень удачно. Из воды протянуто прямо на высокий берег. Даже слишком удачно. Если на него ступить, то всю прибрежную трясику перейти можно. И опять что-то загудело внутри. Ступать нельзя. И трогать нельзя. Даже думать об этом не буду.

Котенок со вздохом воткнула в ближнюю кочку ветку, наклонив ее на бревно, и принялась прощупывать штыком прибрежную трясику.

А вот и берег! Такая «переплюйка» и столько сил отняла! Так хочется присесть, вылить воду из сапог, перемотать портянки, дух перевести. Времени-то еще много в запасе, дед меня не ограничивал, можно не спешить... Вот и кочечка такая удобная, как специально поставлена тут... Стоп, «как специально»! Не мог этот хитрый дедок такую удобную кочечку мимо пропустить. Никак не мог. С начинкой она, верно говорю!

Штык легко вошел в кочку, не встречая сопротивления. Не может быть! Еще и еще раз левее и правее первого прокола. И опять ничего. Не может быть! Неужели? Можно сесть? Рука сама потянулась отвести с кочки веточку, что торчала откуда-то сзади. Стоп! А ведь это мусор! Ну да, точно – мусор! Тот самый, о котором дед говорил. Слишком толста и разветвлена эта веточка, чтобы при такой длине быть выросшей на корню. Не поется! Котенок внимательно оглянулась, и руки сами уверенно воткнули вешку перед такой удобной кочкой. От греха подальше!

Дальнейший путь, на первый взгляд, ничего сложного собой не представлял. Опять глядеть в оба. Потом щуп под углом тридцать градусов. Опять и опять. Ничего! Шаг вперед. Опять осматриваем. Опять щуп вперед, еще и еще... И вновь поплыла фигурка над поляной, с каждым шагом приближаясь к противоположной опушке.

Что это там? Краем глаза она уловила какое-то движение в тени опушки. О, да тут уже все наши собрались! И опять дед на пенечке сидит, прямо глазами меня сверлит.

И вот – дрожащая рука коснулась березовой коры...

– Все? – инструктор стоял почти рядом с ней.

– Вроде бы...

Михаил Владимирович вздохнул. Присел на корточки и разгреб листья позади ног Марины.

– Сюда погляди...

Из-под прошлогодних листьев показался маленький деревянный пенал.

– ПМД?

– Она самая. Деревянная, нажимного действия. Сама не подорвалась – молодец. Но не нашла! А это – все же минус тебе, ведь за тобой люди пойдут! Хотя в остальном у тебя сплошные плюсы. Смекай, за что?

– Кочка?

– Верно. И бревнышки, и валуны на ручье. Как обо всем догадалась-то?

– Ну, во-первых, мне мой прежний учитель рассказывал, что надо ставить себя на место противника. Думать, куда сам «сюрприз» поставил бы. Во-вторых, вы сами говорили, что наш мусор, – упирая на слово «наш», произнесла Марина, – в глаза не бросается. Я его искала и нашла.

– Так-то! Ну, молодца, кошечка ты наша! Молодца! Так-то, товарищи курсанты, – обернулся дед к стоявшим позади него условно убитым, – первый из вас сдал зачет на удовлетворительно. Завтра ваша очередь.

Народ понурился, воочию представляя себе завтрашний день.

– Хотя у нас есть еще один живой, – вспомнил Михаил Владимирович. – Помнится мне, Кашин у нас жив и делом занят. Пойдемте-ка поглядим, что он там натворил?

Кашин лежал с закрытыми глазами и грелся на солнышке, совершенно забыв про все окружающее...

Жестом остановив личный состав, инструктор достал из кармана небольшую баночку, из которой торчал отрезок какой-то веревки, и, чиркнув по ней коробком, тихонько подбросил ее как раз к ногам «спящего красавца».

– Ложись, – все поняли скорее жест, чем приказ, произнесенный шепотом, и залегли.

– Ба-бах, – рывкнула банка, и из облака белого дыма, что взметнулось на месте падения банки, вдруг выкатился ошалевший курсант Кашин собственной персоной, отплеываясь и откашливаясь от едкого дыма!

– Что же ты, аника-воин, поспешил на боковую – сны глядеть, а об охране не позаботился? Или, думаешь, тут безопасно? Ты хоть задание-то выполнил?

Курсант быстро закивал головой, давась от сильного кашля.

– Показывай!

Кашин с трудом умерил кашель и подвел всех к тропинке. Михаил Владимирович присел на корточки.

– Так. Мина «Эс» с взрывателем зет-зет тридцать пять! А где нажимные?

Не говоря ни слова, Кашин отвел всех метров на пять левее, на взгорок. Дед остановил его жестом, потом достал папироску, прикурил ее, внимательно разглядывая бугор, размером примерно пять на восемь метров. Затем подошел к какой-то, только ему приметной, точке, встал на колени и, склонив лицо к самой земле, внимательно рассмотрел что-то на земле, после чего подозвал остальных.

– Смотрите, запоминайте, но всем молчать, пока сам не спрошу.

Инструктор еще раз огляделся, потом аккуратно прощупал пальцами по краям дернину, лежащую перед ним.

«Как он увидел, что именно под ней мина? – подумала Марина. – Ведь ничем этот кусок травы от окружающих не отличается?»

А дед продолжал свои пассы.

Он аккуратно приподнял правый край дернины и осторожно запустил под нее свою ладонь.

– Ага, – сорвалось у него с уст довольное восклицание, после чего он медленно приподнял и отложил в сторону дернину, открыв взорам всех круглый «пятак» взрывателя DZ 35. Затем он аккуратно очистил его голову от земли, аккуратно углубился в землю пальцами.

– Так, тушка немецкой гранаты! Молодец, – добавил он, обращаясь к курсанту, – догадался!

Тем временем его пальцы продолжали путешествие вокруг цилиндрического корпуса торчащей в земле гранаты. Внезапно он хмыкнул, не спеша поднял закопанное сооружение на уровень глаз и рассмеялся.

– Ну, ты, брат, дал! Так-то!

– Что? – обеспокоенно отозвался Кашин.

– Мину-то ты поставил – и поставил хорошо, а вот в боевое положение ее не перевел.

Что же ты?

– Как это?

– А так! Вот тут под «пятак» находится чека, так вот ее надобно было выдернуть. А мне, при разминировании, требовалось воткнуть туда вот этот гвоздь. Я его тычу, а он не лезет. Смотрю, а чека-то на месте.

Инструктор не спеша выкрутил взрыватель из тела «яйца», обдул его и протянул экзаменуемому.

– Гляди! Вот эту гаечку надо было открутить, тогда этот штифтик с колечком выдернутся, и мина встанет на боевой взвод.

Лицо Кашина перекошилось, и он от досады хлопнул себя по лбу рукой.

– Ну, дурак, – сорвалось у него губ.

– Товарищ... дед, а можно вопрос? – подал голос Виктор.

– Конечно!

– А зачем вы мину снизу прощупывали? Ведь у гранаты донного взрывателя быть не может.

– Донника у гранаты нет, это так, но под гранатой мог находиться сюрприз разгрузочного типа.

– А разве у вас в ранце есть такой?

– Ну, во-первых, из того, что лежит у меня в ранце, можно собрать и черта лысого, а во-вторых, никогда не надо считать, что ты работаешь с бутафорией. Когда-нибудь тебя это может подвести.

Говоря это, дед вкрутил в «яйцо» штатный немецкий гранатный запал, потом открутил зеленую крышечку. Высвободив веревочку, дернул за нее и громко заорал: «Ложись!»

Все повалились на землю, а метрах в тридцати позади них раздался резкий разрыв гранаты.

Все не торопясь поднимались с ошарашенными лицами, но больше всех ошалел Кашин.

– Так все они были ... боевые?

– Ну да, – спокойно отозвался инструктор, забыв добавить, что капсулы-детонаторы во взрывателях, которые он дает курсантам, пустые, а для спектакля с «яйцом» он всегда носит в нагрудном кармане френча боевой запал. Он, не торопясь, подошел ко второй только ему приметной точке и аккуратно вытащил из земли стандартный подрывной заряд массой двести граммов, оснащенный «усатым» SMiZ 35.

– А все-таки, что можно собрать из вашего ранца для разгрузки? – напомнил о своем существовании Виктор.

– Можно я отвечу? – неожиданно для себя вызвалась Марина.

– Ну, давай, – одобительно отозвался дед.

– Для разгрузки можно использовать гранату Ф-1. У нее взрыватель это делать позволяет. Вытащить кольцо и придавить предохранительную лапку каким-нибудь предметом. Как только его уберут, лапка отлетит, и граната бабахнет.

– Откуда это? – заинтересованно приподнял бровь инструктор.

– Мне мой прежний учитель рассказывал. У них, бывало, подобным образом враги тела убитых минировали.

– Хм! Интересный у тебя инструктор был. Второй раз ты мне про него любопытные вещи рассказываешь... И что еще он тебе показывал?

– А у вас такая граната есть? И стакан.

– Ну, граната имеется, а стакан в лесу откуда? Хотя вот – есть металлический стаканчик от немецкого бритвенного прибора. Он почти тех же габаритов, что и обычный стакан. Только давай-ка я ее зубов лишу. Так-то оно поспокойнее будет...

Он вывернул запал Ковешникова, аккуратно выкрутил из него детонаторную трубку, заменив ее почти такой же, только алюминиевой.

Построив курсантов полукругом, инструктор кивнул Марине.

– Ну, давай! Показывай!

Оглядевшись по сторонам, она выбрала куст. Наклонила одну из веток к земле и шнурком прикрепила к ней гранату. Потом копнула ножом землю и в получившуюся ямку подошвой сапога затрамбовала стакан. Наклонила ветку к земле таким образом, чтобы граната опустилась в стакан, а сверху положила длинную палку. Приотпустила наклоненную ветвь. Шнурок натянулся, но положенная сверху палка удержала гранату в стакане. Подойдя к обрубку дерева, девушка подкатила его поближе и положила на него кривой сучок. Одним концом засунула его под лежащую поперек стакана палку, а вторым вывела наискось на тропу. Наклонилась к стакану, вставила между его стенкой и рычагом взрывателя щепку. Осторожно вытащила чеку.

– Ну... все.

– Та-а-ак... сказал бедняк... – протянул старый сапер и присел у сооружения. – Любопытно... хотя немного громоздко.

Дед опять задумался.

– Противопехотная мина из охотничьей кулемки, – он усмехнулся, – сучок, стало быть, в сторону отпихнут, он палку эту и столкнет... Так-то!

Стукнул, падая на землю, сучок, откатилась в сторону палка и, не удерживаемая ею более, взлетела над землей граната. Щелкнул капсюль-воспламенитель, и все курсанты автоматически упали на землю.

– От падения тут толку мало, ребята! Граната в воздухе рванет, метрах в полтора от земли. Разлет осколков отсюда будет – мама не горюй! Хоть лежи, хоть пляши – итог один! Считаю, каждый из вас огреб! Интересная придумка...

Сапер подумал, еще раз глянув на сооружение.

– Немного громоздко, но придумано толково. Оборонительная граната над землей много чего натворить может. Таким макаром в финскую войну лахтари нам много проблем организовали. Они свои мины и гранаты, почти такие же Ф-1, только французские с запалом Роланда, или наши трофейные на уровень пояса, а то и на уровень плеч поднимали. От снега. Правда, не так хитро. Просто к деревьям привязывали и от чеки проволочку протягивали вниз и поперек тропы. Молодец, курсант! От лица службы – благодарность тебе объявляю! За весь сегодняшний день от меня с искренним почтением! – дед уважительно склонил голову.

– Служу трудовому народу! – автоматически вытянулась она по стойке «смирно».

– Если других дел нет, мы с тобой еще после окончания занятий посидим. Чайку попьем, разговоры разные поразговариваем. Про учителя твоего и прочее...

День за днем, час за часом – и Марина постепенно втянулась в непривычный ритм тренировок. Иногда поутру дежурный спрашивал – а не слышал ли кто-нибудь из курсантов ночью чего-нибудь? Что именно и во сколько? Это мог быть громкий звук, выстрел, звонок – все что угодно. Такие же вопросы задавались и по вечерам, перед ужином. Постепенно мозг уже сам по себе начинал автоматически вычленять среди повседневных звуков что-то необычное. Сначала это вызывало недоумение – что такого необычного в выстрелах и взрывах, когда под боком стрельбище и саперный полигон?

– Да не всякий выстрел вовремя, – ответил им на этот вопрос майор. – На занятиях ничего удивительного в таких звуках нет. А вот во время обеда... или после отбоя – тут уже совсем другая песня. Некому в это время шуметь!

Телефонограмма

Сегодня, 23 апреля 1942 г. в 04.20 противник сбросил воздушный десант в районе расположения штаба ... стрелкового корпуса. Самолеты, осуществлявшие выброску десанта, следовали в общем строю с бомбардировщиками, осуществлявшими воздушный налет на аэродром «Молодечное», и поэтому не были своевременно идентифицированы постами ВНОС¹ как транспортные.

Воспользовавшись халатностью часовых, группа немецко-фашистских диверсантов проникла на территорию штаба, где попыталась осуществить захват оперативных документов и уничтожение командования корпуса. В завязавшейся перестрелке десант понес потери и отступил, не доведя свой умысел до конца. Однако при отступлении парашютистами противника был похищен и уведен в лес начальник оперативного отдела штаба ... стрелкового корпуса полковник Венедиктов А.П. Это было выяснено только по окончании боя. В результате проведенной проверки полковник не был обнаружен ни среди живых, ни среди мертвых. Принятыми мерами обнаружить и отбить его не представилось возможным.

Наши потери, по состоянию на 07.35 23 апреля составляют:

Убито шесть средних и восемь старших командиров. Погиб начальник штаба корпуса – генерал-майор Литвинов В.В. Ранено пять старших и три средних командира.

В бою погибли двадцать три бойца из состава роты охраны штаба и роты управления. Тридцать восемь бойцов ранено.

Потери противника составляют:

Один офицер (гауптман) и восемь солдат.

Среди нападавших имеется большое количество раненых, о чем свидетельствуют многочисленные следы крови и остатки перевязочного материала.

ВРИО начальника штаба

... стрелкового корпуса

полковник Горячев Н.Н.

– Садись, майор! – полковник Чернов указал на стул.

Гальченко, не ломаясь, присел.

– В общем, так, дорогой ты мой, дела у нас хреновые!

– У нас? – удивленно приподнял бровь собеседник. – С какого это рожна? Вроде бы без происшествий все...

– Ну, не лично у нас, не в школе, я имею в виду. Вчера ночью на штаб корпуса было совершено нападение – немцы десант сбросили. Тихо подобралась, сняли часовых, закидали гранатами караульное помещение. Словом – отработали по-полной. Даже начштаба подстрелили – угораздило же его в этот момент совещание проводить.

– Нехило... мастерски сработали.

– А ты думал?! Там тоже, понимаешь ли, не лопухи – тебе ли не знать? Так что тут вся округа на ушах стоит да землю роет.

– Ну, а наша роль в этой кутерьме какая? Не в гости же вы сюда приехали?

---

¹ Воздушное наблюдение-оповещение-связь – подразделение Противовоздушной обороны.

– Дело в том, майор, что немцы не просто так на штаб навалились. Как раз получено было указание о разработке важной операции фронтом. И эти субчики утащили в лес начальника оперативного отдела корпуса.

Майор присвистнул.

– Ничего себе! Извините, Михаил Николаевич.

– Да я точно так же отреагировал, когда об этом узнал! – полковник раздраженно махнул рукой. – Будто у нас своих задач нет!

– Надо понимать, Михаил Николаевич, нас тоже к этим поискам пристегнули?

– Правильно мыслишь...

– И я должен поднять в ружье комендантский взвод, чтобы прочесывать лес?

– Ну, совсем-то уж за дурака меня не считай, Александр Иванович. Не первый год знакомы чай!

– Извините, товарищ полковник.

– Ладно, не дуйся! Тут идея похитрее есть...

Полковник пододвинулся к столу и разложил на нем карту.

– По имеющимся сведениям, Венедиктов ранен.

– Начоперотдел?

– Он самый. Идти долго не сможет, если вообще в состоянии это делать. Немцы, ясное дело, полковника не бросят, на руках понесут. Но далеко они его так не утащат, а уж через фронт...

– Понятно.

– Мы перехватили их радиogramму – они просят самолет. Да и другие сведения у нас уже имеются. Не все тут лаптем щи хлебают!

– Куда?

– А вот тут есть загвоздка... Подходящие площадки в округе есть, только все они заняты нами. Десант понес потери, и в открытый бой они не полезут. Так что уходить будут тихо. И вариант у них остается один-единственный – вот он! – карандаш полковника указал точку на карте.

– Пост ВНОС?

– Точно так! Он на недостроенном аэродроме базируется, и самолет там сядет. Там мы их и перехватим. Если возьмем живыми радиста и командира – такую комбинацию завернуть можно будет!

– И как они себе такую операцию представляют? Насколько я в курсе, пост постоянно на связи находится. Десять минут невыхода в эфир – и туда рванут комендачи² ВНОС. Самолет же за это время даже и сесть не успеет. А если и сядет – на обратном пути его перехватят истребители.

– Немцы это понимают тоже...

– Так что, повторяю еще раз – мне нужны только добровольцы! – Гальченко прошелся перед строем курсантов. – Риск даже не высок – запределен! Вам предстоит не просто рисковать своей жизнью – к этому вы привыкли, а самим сунуть голову в волчью пасть! И ждать! Ждать команды! Любой из вас может быть убит – и не имеет права поднять руку для своей защиты! Предупреждаю всех – немецкий радист и командир группы нам нужны живыми! Без никаких вариантов! Вторая, не менее важная задача – радист самолета после начала атаки не должен ничего передать. Живым он не особо нужен, но лишним не станет. Так что взять его тоже было бы неплохо.

Строй молчал.

---

² Бойцы комендантского подразделения.

– Никого не тороплю, подумайте... но времени у нас нет. На все, – майор посмотрел на часы, – пять минут. Через пять минут всем собраться здесь. Марина! Ко мне подойди.

Присев на скамейку, он показал ей на место рядом.

– Садись.

Девушка осторожно присела на краешек.

– Тут вот в чем дело, Котенок... Так уж сложилось, что тебе доверено выполнение важной задачи. Ну, нет у нас больше никого на роль радистки. Ребята рискуют, и я могу их понять. Им, в некотором роде, сложнее. Немцы их будут брать – и брать жестко. Могут попросту ножами порезать, хотя не думаю, что они это сразу делать начнут. Там тоже, знаешь ли, не вчерашние школьники собрались. Головы у них на плечах есть, и используют фрицы их по назначению – соображают. Их главная цель – чтобы никто как можно дольше не поднял тревогу. Радист на посту постоянно дежурит у станции – таков порядок. То же самое делает и телефонист. Они должны моментально передать, как только что-то в воздухе засекут. Если на том конце поймут по почерку или по голосу, что на связь вышел не тот радист – всей операции конец. С телефонистами проще, они меняются и голоса у них разные. А вот радисты – их всего несколько и почерк каждого известен – не перепутают. Так что трогать тебя немцы не станут. И нервировать чрезмерно не будут – а ну как ты в обморок брякнешься? Поэтому постараются обойтись с ребятами не так резко и безжалостно. Во всяком случае, на твоих глазах и до того момента, как сядет самолет.

– Иначе – никак?

– Нет. Только перед посадкой самолета они вынесут на поле полковника. Чуть поторопимся – уташат назад в лес. Рисковать мы не можем, его надо отбить живым. Или... исключить возможность его повторного захвата немцами.

– Даже так?

– Так, Котенок. Повторю еще раз – на тебе основная роль. Пока ты будешь ее играть чисто, немцы никого не тронут. Во всяком случае – не должны. Справишься?

– Постараюсь, товарищ майор...

Старая полуторка, подпрыгивая на ухабах, въехала на поляну. Ходивший возле небольшого домика часовой обернулся и внимательно поглядел на подъезжающий автомобиль. Поднял руку.

– Стой! Пропуск?

– Вагранка. Отзыв?

– Беломор. Проезжайте, заждались уже вас, – махнул он рукою в сторону домика.

Из прибывшего транспорта неторопливо выгрузилась очередная смена, во главе с заместителем командира роты ВНОС. Он, как и положено командиру, ехал в кабине. Вышедший на крыльцо сержант козырнул поднимавшемуся по ступенькам лейтенанту.

– Здорово, Никитин! – ответил тот на приветствие. – Вот, смену вам привез.

– Новенькие?

– С Южного фронта. К нам их временно прикомандировали, так что пусть работают.

Сержант с интересом посмотрел на симпатичную девушку, шедшую вместе с остальными бойцами.

– Радистка?

– Младший сержант Барсова! – откозыряла та.

– И тоже – прикомандированная?

– Совершенно верно, товарищ сержант! До особого распоряжения.

Никитин вздохнул и про себя пожелал, чтобы это распоряжение как можно дольше не приходило.

Ступеньки крыльца снова скрипнули, и сержант повернул голову, встречая следующего сменщика. Это оказался немолодой уже старшина.

– Знакомьтесь, Никитин, это старшина Федоров, дежурный начальник смены. До завтра – он тут старший. Хозяйство ему покажите.

Сдача дежурства много времени не отняла, и вскоре отъезжающая смена уже садилась в грузовик. Новый часовой, проводив его, остался сидеть на крыльце, прислонив винтовку к стене. Заметивший это старшина только укоризненно покачал головой, но так ничего и не сказав, ушел в дом.

Внутри домик был совсем небольшим – три комнатки. Одна с кроватями – для отдыха свободной смены. Во второй располагался начальник смены и один телефонист.

В третьей была установлена радиостанция, и стояло несколько телефонов, возле которых сидел еще один боец.

Вот и все.

Осталось прибавить сюда двух дежуривших посменно наблюдателей и двух бойцов, попеременно несущих охрану.

Всего восемь человек – для этого поста более и не полагалось, народу и так не хватало.

Освоившись на новом месте, бойцы занялись повседневными делами. Двое из них, подвесив над костром котел, начали готовить ужин, наблюдатели полезли на вышки. Все прочие, кроме часового, ушли в дом.

– Ну что, Котенок, как думаешь – поверили фрицы в наше представление? – голос майора звучал глухо, присев на корточки, он что-то делал под столом, на котором стояла радиостанция.

– Трудно сказать... со стороны – так вроде бы и нормально все прошло. Приехали, сменили – все как всегда.

– Ну, это их взводному спасибо нужно сказать. Молодец мужик, сразу врубился и вопросов не задавал, – вылез наконец-то из-под стола майор. На нем сегодня были петлицы ефрейтора, и он играл роль дежурного телефониста. – Сядь на место, проверь – удобно ли?

Марина поерзала на стуле.

– Да вроде бы...

– Ну, и славно. Включай станцию, пора на связь выходить.

– А они вообще здесь есть? А то, может быть, мы зазря тут сидим?

– Степаныч сказал – здесь они. Ему верю безоговорочно, он таких промашек не дает. Уж как дед ходит да смотрит – мне самому поучиться не грех. А я ведь ходок неплохой, тоже не один год по лесам бродил.

– Где ж это?

– Тайга... она у нас большая.

– И каково ему сейчас в лесу одному? Мы-то хоть рядом, поддержать друг друга можем, а он?

– За него не переживай. Чтобы такого деда в лесу отловить... – Гальченко покачал головой. – Я даже и представить не могу, каким надо быть сыщиком. Все! С этого момента – молчок! Любые сообщения по делу – только условными сигналами. Черт их знает, этих немцев, вдруг они даже чуткие и даже мышинный шорох за версту различать могут?

Захрипел динамик радиостанции, началась очередная переключка постов. Надвинув наушники, девушка занялась знакомым делом. И понеслось... Пальцы быстро вспомнили привычные манипуляции. И вскоре работа полностью поглотила девушку.

И только через полчаса она сдвинула наушники, прислушиваясь к разговору.

– Да! – поднял трубку мнимый ефрейтор. – Один? Удаление, курс? Принято! Маринка, передавай – одиночный самолет, удаление до двух километров. Курс сто семьдесят пять! Высота около полутора тысяч метров.

Спустя некоторое время на столе появился стакан. С горячим чаем. Машинально из него отхлебнув, она кивнула.

«Стоп!»

Марина еще раз мельком глянула на стол.

(Стакан... полный стакан – выдвижение на позиции завершено. Горячий – немцы готовы к броску.)

Вот так, милая... а ты чего ждала?

Шорох под крыльцом привлек внимание часового. Отбросив в сторону веточку, которую до этого вертел в руках, боец поднялся. Потянулся и шагнул к крыльцу.

Р-раз!

Гибкая фигура в черном комбинезоне выметнулась откуда-то снизу.

Блямс!

Мощный удар сапогом отбросил бойца в сторону. И в следующее мгновение острие ножа, качнувшегося у него перед глазами, недвусмысленно намекнуло на ненужность поднятия шума.

Сидевший у стола старшина увлеченно копался в потрохах телефона. Так что на скрип двери он только недовольно буркнул: «Чего надо?»

Не дождавшись ответа, поднял голову, подслеповато прищуриваясь и пытаясь разглядеть вошедшего. И краем глаза увидел, как сидевший справа от двери телефонист поднимает руки.

– Т-с-с-с! – стоявший напротив человек с пистолетом приложил палец к губам. – Тихо!

Увлеченная работой на ключе, Марина почти ничего не слышала вокруг, привычно вылавливая в шорохе и треске помех знакомые сочетания точек-тире. Закончив передачу, отпустила ключ и расслабленно встряхнула в воздухе кистями рук.

– Уф! Федорыч, чего-то сегодня народ прорвало! А? – она повернула голову в сторону майора.

Как выяснилось, в комнате прибавилось действующих лиц. Гальченко притиснули к стене, и он сидел ровно, положив на стол руки. Около него стоял человек в темном комбинезоне, покачивая в руке пистолет.

Еще один, точно такой же, стоял сейчас около нее.

– А?! Что такое? – ее рука метнулась в сторону винтовки, которая должна была стоять сбоку от стола.

Должна. Но ее там не оказалось.

– Не надо так волноваться, мадмуазель, – стоявший рядом с нею человек покачал головой. – Оружие вам не потребуется.

– Кто вы такой?! И что тут делаете?

– Немцы это, – не меня положения, хриплым от волнения голосом сказал майор. – Похоже, что всех нас повязали уже...

– Вы не ошиблись, – кивнул немец. – Позвольте представиться – обер-лейтенант Рауф! Вы все взяты в плен, и от того, как будете себя вести, зависит то, что с вами произойдет дальше.

– Что вы хотите? – поинтересовался майор.

– Вы старший?

– Нет. Старшина Федоров, он в той комнате, – движением головы указал Гальченко.

– Кто дежурит на связи?

– Я. И младший сержант. У старшины тоже есть телефон, он может звонить, минуя нас.

– Хорошо. Продолжайте вашу работу. И... дорогуша, это касается именно вас – постарайтесь вести себя так, чтобы у ваших корреспондентов не возникало бы ненужных вопросов. Вы меня понимаете? Учтите, жизни всех, кто сейчас находится здесь, зависят именно от этого. Не буду скрывать, если что-то пойдет не так... то я вынужден буду отсюда уйти. И никто из персонала поста мне в этом случае не будет нужен. Я ясно выражаюсь?

– Да... – Марина не узнала своего голоса. – Пусть мне дадут воды...

Тихо ступая, в комнату вошел еще один десантник. Пристроившись сбоку от стола, он быстро развернул на нем свою радиостанцию.

– Клаус будет вас контролировать, фройляйн. Так что постарайтесь не вызвать у него подозрений.

Топоча сапогами, в комнату вошли еще несколько человек. Двое здоровенных десантников подталкивали перед собою обезоруженных бойцов. Мельком бросив на них взгляд, Котенок облегченно вздохнула – все целы. Половину лица у Женьки Маркова занимал здоровенный синяк. Именно Женька сейчас играл роль часового, надо полагать, его фрицы при захвате приголубили. По команде Рауфа их всех усадили на пол в углу. Напротив пленных расположился плечистый десантник с ручным пулеметом. В комнате сразу стало тесно и душно.

– Окно...

– Что? – приподнял бровь офицер.

– Нечем дышать, может быть, вы прикажете приоткрыть его? – произнесла Марина.

Немец осмотрел комнату. Приняв какое-то решение, отдал приказ. Один из десантников подошел к окну, осмотрел рамы и, не найдя ничего подозрительного, открыл створки. Демонстративно оттянув затвор у автомата, плавным движением выскользнул в оконный проем и, надо думать, занял позицию напротив него или где-то поблизости.

В наушниках слышались сигналы – вызывал соседний пост.

– Отвечайте, фройляйн, – кивнул на рацию Рауф. – И – помните...

Пулеметчик лязгнул своим оружием.

Рука девушки легла на ключ. Странно, но, занявшись привычным делом, она даже перестала думать о сопящем над ухом фрице. Пальцы заработали, посылая в эфир сочетания точек и тире. Краем глаза она уловила одобрительный кивок Клауса – немец никаких подвохов не заметил.

«... направление движения цели – курс сто девяносто пять. Высота полета – двадцать восемь тысяч метров...» – снова вышел в эфир соседний пост.

Хмыкнув, Марина автоматически исправила неверную цифру – не двадцать восемь тысяч метров, а две тысячи восемьсот.

Уловив вопросительный взгляд немецкого радиста, пояснила: «Сейчас вечер, на такой высоте самолет просто не увидят. Да и не летает никто настолько высоко».

Удовлетворенный объяснением, немец кивнул.

«А русский язык он знает! И неплохо...».

Постояв еще немного за ее спиной, Рауф отошел в сторону и что-то негромко приказал пулеметчику. Повернулся и вышел из комнаты.

Снова потянулись томительные минуты ожидания. Марина слышала, как дублировал ее сообщения по телефону майор. По-видимому, и его поведение не вызывало никаких подозрений у десантников. Во всяком случае, вели они себя спокойно и за оружие больше не хватались.

Прошел час.

«... направление движения цели – курс двести тридцать, высота тысяча восемьсот, снижается...».

– А вот это сообщение дублировать не нужно, фройляйн! – молчавший доселе Клаус открыл рот.

– И что я должна передать?

– Курс сто тридцать, высота тысяча восемьсот.

– Но он услышит!

– И что?

– Перезвонит по телефону!

– Но самолет мог ведь и изменить курс?

– Мог...

– Так и передайте!

«...Цель изменила курс на сто тридцать, прекратила снижение. Высота тысяча семьсот метров...».

– Федорыч! Передай – цель изменила курс на сто тридцать, прекратила снижение. Высота тысяча семьсот метров.

(Это их самолет! Интересно, майор все понял? Жаль, что я не могу обернуться, немцы заметят мои движения...)

– Можно воды?

Клаус, не отрывая взгляда от радиостанции, что-то сказал. Вскоре на столе перед девушкой появился стакан с водой.

«Так, ну вроде все пока идет правильно. Открытое окно – сигнал, что все наши здесь. Исправленная неточность в данных – сигнал работы под контролем. Второй стакан с водой – сигнал майору, что самолет на подходе. Да он и сам все мог слышать, мы говорили не шепотом. Все? Да, пока вроде бы все...».

Уловив краем глаза движение, Котенок чуть повернула голову – немец работал на ключе.

(Я его сигналов не слышу... стало быть, он с частоты ушел – вызывает своих? Но, раз так, то и он меня слышать не может тоже. Второй рации у них, скорее всего, нет. Рисковать? Другого момента не будет.)

Тренированные пальцы Марины чуть заметно шевельнулись.

Три точки, три точки, три точки...

Все, сигнал ушел. Теперь наши знают, что немцы встречают самолет.

А это, несомненно, был тот самый борт, который так ждали десантники. До посадки осталось не так уж и много времени, на поляне уже виднелись отблески от зажженных десантниками костров. Загорелся свет и в доме – Клаус засветил висевшую на стене керосиновую лампу.

Открылась дверь, и в комнату снова вошел обер-лейтенант. Что-то спросил у своего радиста, и тот ему ответил.

– Фройляйн, должен выразить восхищение вашей выдержкой и самообладанием. Откровенно говоря – не ожидал! Через час мы расстанемся. Я уже ранее объяснил вашему командиру, что для вас всех будет лучше, если никто не будет поднимать особенного шума после нашего ухода. Иначе... Сибирь большая, там на всех места хватит... Понимаете?

Марина кивнула.

– Клаус обождет здесь еще некоторое время. Естественно – не один. Потом они все уйдут.

«Тебе так нужен спокойный и недерганый радист? Понятно, допусти я ляп в эфире – всей операции как-то, вот немец и разливается соловьем. Все ясно, телефонные провода они перережут, а вот рация, чтобы не вызвать подозрение, должна работать. По крайней мере – до тех пор, пока самолет не отлетит на безопасное расстояние. Тогда Клаус и его товарищи нас кончат и уйдут в лес. Красиво придумано, нечего сказать...».

Марина ничего не ответила, только вздохнула и, выпрямившись, положила руки на колени. Рауф одобритительно покивал.

– Я еще раз напомню старшине об этом. Так, чтобы слышали все. Вас же я попрошу спокойно работать и ни о чем не волноваться. Немецкий офицер всегда держит свое слово! – повернулся он к остальным пленным.

Подойдя к сидевшим на полу бойцам, обер-лейтенант присел на корточки и повторил сказанное. Растерянно выглядевшие красноармейцы вразнобой закивали, соглашаясь с офицером.

Рокот моторов самолета стал громче, приблизился, и на поляну легли отблески посадочных фар.

Металлическая птица грациозно и почти бесшумно коснулась колесами земли, чуть подпрыгнула и покатилаь вдоль линии костров. В свете луны это выглядело очень красиво и по-своему завораживало.

Рауф поднялся и, подойдя к окну, высунулся наружу. Отдал короткое приказание дежурившему там часовому.

От дома хорошо видимый в пламени костров отбежал к лесу десантник. Скрылся в кустах.

Самолет достиг конца линии костров и, ревя моторами, стал разворачиваться для взлета. Открылась дверца в фюзеляже, и в проеме стал виден силуэт человека. В руках он держал лестницу и ждал только окончания движения.

Стоявший у окна офицер прищурился – от леса отделилась группа людей, тащивших в руках носилки. Он удовлетворенно кивнул и повернулся к радистке.

– Ну, что ж, фройляйн, позвольте откланяться! Надеюсь, следующая наша встреча произойдет уже при менее драматических обстоятельствах...

– Надеюсь на это, обер-лейтенант... – майор произнес это на безукоризненном немецком языке.

Сигнал! Первые же слова, которые Гальченко скажет не по-русски!

Просунув руки под стол, Котенок выхватила из ременных петель, прикрепленных под ним, свое оружие.

Чпок!

Приглушенный «брамитом» выстрел был почти неразличим в шуме моторов самолета. Выронив пулемет, охранник откинулся назад.

Чпок!

Схватился за простреленное колено Клаус.

Марина стреляла, не поднимая оружия из-под стола.

Неуловимым движением сместившись в сторону, майор перехватил пистолет своего немца, ловко вывернул его из ослабевшей руки и толкнул того в кучу сидящих на полу людей. Где его немедленно и с явным удовольствием встретили...

Опешивший офицер, начавший было разворачиваться к майору, сделал шаг назад. Рука его метнулась к автомату...

Чпок!

...и бессильно повисла, простреленная в локте.

А в следующую секунду его и радиста уже спеленали, засунув им в рот импровизированные кляпы из красноармейских пилоток. Припав на колено, Котенок скользнула к двери и осторожно потянула ее на себя.

Пусто.

В прихожей не было никого.

– Чисто...

– Отлично, – вооруженный двумя пистолетами майор уже был рядом. – Марков, окно!

Блеснув в отраженном свете костров стеклами, створки медленно затворились.

Еле заметно шевельнулись ветки на краю поляны. Увенчанный набалдашником глушителя, поднялся из густой травы винтовочный ствол. Еще один, чуть погодя, высунулся с чердака дома.

Чух!

Стоявший в проеме дверцы самолета человек переломился в поясе и осел на пол.

Чух!

Пробив грудь переднего носильщика, пуля ударила в плечо и второго. Оба они рухнули в траву. Секундой позже вторая пуля успокоила начавшего было вопить раненого. В стекле кабины самолета, прямо напротив лица пилота вдруг появилось отверстие. Еще одно! И еще...

Стоявшие около костров десантники схватились за оружие. Не слыша в гуле моторов выстрелов, они, тем не менее, почувствовали какую-то угрозу.

Поздно!

Из распахнувшейся двери дома ударил пулемет. Из окон его поддержали автоматы.

Первая же очередь повалила на землю несколько человек. Уцелевшие десантники метнулись к лесу. Но оттуда негромко кашлянула винтовка, и передний немец, схватившись за простреленную грудь, рухнул в траву. Остальные залегли, не желая испытывать судьбу – на открытом пространстве, подсвеченные собственными кострами, они представляли собою прекрасные мишени для любого стрелка.

Пулемет из дома перенес огонь на кабину самолета, и стекла ее посыпались под ударами пуль.

– Бросайте оружие! – донеслась со стороны дома команда на чистом немецком языке.

Приподнявшийся из травы немец поднял было свой пулемет, но тотчас же получил пулю в спину и ткнулся лицом в землю.

Пулеметная очередь со стороны дома взметнула землю среди лежащих десантников. Вскрикнул и схватился за плечо еще один из них.

– Не стреляйте! Нихт шиссен! – поднялись над травой руки.

Подбежав к самолету, Марина остановилась, держа на прицеле лежащего в дверном проеме немца. Нога его свешивалась наружу.

– Чего ждем? – нарисовался рядом Марков. – Боишься – укусит?

– Он не один там был... Майор сказал обождать.

Подбежавший сбоку Витька Алеференко дернул за ногу покойника.

Труп вывалился наружу и глухо ударился об землю.

– Ну вот, дорога чистая! – удовлетворенно произнес Женька. – Пошли?

– Спешим? – неслышно подошедший Гальченко стоял рядом. – Склероз внезапно наступил – занятия забыли? Быстро – не значит в спешке!

Оба парня смущенно замолчали.

– Алеференко – хвост! Марков – контроль пилотской кабины. Барсова со мной, спину прикроешь! Аккуратнее там, не туда стрельнем – сгорит все к чертовой матери. Нам тогда спасибо не скажут. На счет три – начали!

Кубарем вкатившиеся в самолет курсанты рассредоточились вдоль борта, держа под прицелом пустой салон. Здесь никого не было, только у задней стены, около двери лежали какие-то мешки и ящики. Секундой позже в самолет запрыгнул майор, и следом за ним неслышно проскользнула девушка.

Тихо... только что-то поскрипывало впереди, там, где сидели пилоты.

– Обстановка! – отрывисто произнес майор, держа на прицеле дверь в пилотскую кабину.

– Чисто! Пасу хвост!

– Чисто!

– Держу дверь в кабину, – произнесла Марина.

– В таком разе – начали... – майор привстал.

Приподнялась с пола и девушка.

Зуммер!

Он донесся со стороны кабины!

На секунду глаза всех присутствующих повернулись в ту сторону.

Бах! Бах! Бах!

В закрытом пространстве самолета выстрелы прогрохотали оглушительно. Витька выронил автомат и ткнулся лицом в пол. Схватился за простреленное плечо Марков.

Появившийся откуда-то сзади, по-видимому, из той самой двери, немец стрелял с частотою пулемета.

В падавшем снаружи колеблющемся отсвете костров и тусклом свете потолочных плафонов было видно, как казавшийся огромным пистолетный ствол медленно перемещается, отслеживая движения Котенка, пытавшейся уйти от неминуемого попадания.

Бах!

Удар в плечо!

Это не пуля – удар сзади!

Кубарем полетев на пол, она успела-таки дважды выстрелить в сторону немца. Увы – безрезультатно. А тот уже наводил свое оружие на Гальченко. Сейчас он выстрелит!

Бах!

Чпок!

Пах!

Пах!

Пистолет немца, наган Котенка и маленький пистолетик в руке майора выстрелили одновременно.

Выронив оружие, немец согнулся пополам. Что-то просипел и сделал несколько шагов вперед.

Пах!

Пах!

Казалось, самолет содрогнулся от падения тяжелого тела. Майор бросил на него быстрый взгляд и рыбкой нырнул в приоткрытую дверь кабины. Через несколько секунд он вышел назад.

– Чисто тут все! Обоих – и пилота, и штурмана – наповал!

– А этот... – Марину колотила нервная дрожь.

– Хвостовой стрелок, надо полагать. Со стороны дома его место не видно, вот и уцелел, не стрелял по нему никто. Тот, что на улице – бортмеханик или выпускающий, в транспортном самолете может быть такой член экипажа. Как ребята?

– Марков ранен. А Витька...

– Черт! Моя вина – не досмотрел! Мало вас учили! Эх! – майор в сердцах двинул кулаком по стенке фюзеляжа. – Это он специально сигнал дал, чтобы все на кабину пилотскую посмотрели. А Витька и купился...

Уже позже, когда убитого Алефференко и раненого Женьку грузили в машину, Котенок подошла к майору.

– Товарищ майор...

– Да? – он обернулся к ней. Лицо Гальченко осунулось, и сейчас было видно, что он не так уж и молод.

– А тогда, в самолете... вы меня оттолкнули. Немец же мог и по вам выстрелить...

– Он и выстрелил, – майор продемонстрировал ей разорванный рукав гимнастерки. – Только не попал.

– Но как же так?! Он ведь вас убить мог!

– Мог. Но не убил.

– Но... почему так? Вы на себя огонь вызвали – зачем? Вы же старше и опытнее нас? Куда более важны и...

– Что делать, Котенок? Не умею я по-другому. Такая уж моя планида, видать – защищать других...

– Кельнер! Еще пива!

– Да, мой господин.

Четвертая кружка... Ладно бы хоть пиво приличное было. Да где его здесь взять? Ведь и у немцев оно тоже далеко не везде одинаково хорошее. Или это я уже к Берлину привык? Так сказать – избаловался? Наверное... А что еще мог себе позволить простой служащий воен-

ного министерства, к тому же и не военнообязанный? Пиво, ибо ни на что более существенное скромной зарплаты не хватает. А выглядеть белой вороной среди сослуживцев я отучился уже давно. Точнее – отучили. И правильно сделали, между прочим. Не один такой умник на мелочах погорел, бывали, знаете ли, случаи, да... Мне вот повезло, продержался долго. Но всему приходит конец, вот и сейчас всей спиной ощущается холодок.

Связь... Большинство провалов происходит именно по этим причинам. Но как? Последнее время и так все контакты были сокращены до минимума. Разве что в крайнем случае? Да, вполне вероятно. А то я так бы и сидел, как мышь под веником, никто и не отыскал бы никогда. Видимо, на фронте положение совсем хреновое, раз дали команду на такие действия. Ну, надо думать, им там виднее. Хотя и с моей колокольни тоже кое-что разглядеть можно.

Немцев приперло – и приперло здорово. Уже не так задирают носы brave военные, не слышно в речах сослуживцев бывшего оптимизма. Война... третий год уже, это как-то способствует здравому осмыслению происходящего. А грохот разгоняющегося «парового катка» не слышат разве что совсем тугоухие обыватели. Вот для того чтобы подкинуть дровишек в топку этого самого катка, и вспомнило далекое петербургское начальство про скромного письмоводителя. Вспомнило – и озадачило.

Не то чтобы задача была совсем уж невыполнимой. Сделать можно. Только вот с большой вероятностью накрывалась вся легенда о скромном письмоводителе. Скопировать ключи от сейфа – полдела, тем паче, что данную операцию уже удалось провернуть еще в прошлом году. Подвернулась возможность, что ж было делать-то? А вот скопировать документы... это уже вопрос не праздный. И времени на это ушло предостаточно. Вот и не удалось уйти тихо. Наверняка кто-то заметил. И хотя никаких явных улик не было, однако же наблюдение за собою я засек. Причем достаточно профессиональное. Ненавязчивое и очень внимательное. Ясное дело, прямых подозрений против кого-то конкретного у контрразведки нет. А брать за цугундер всех подряд – можно спугнуть истинного виновника всего происшедшего. Вот и смотрят. Пока осторожно и незаметно. Сейчас агенты контрразведки будут наблюдать, кто, когда и с кем выйдет на связь – ведь скопированные документы куда-то же надо девать? Иначе пропадает весь смысл операции. Пусть похищенные данные и являются самыми свежими, но ведь и они имеют, так сказать, срок годности. А перемещать дивизии на фронте, исходя только из предположений *тыловики*, никто не станет.

Но уходить надо. Ибо после всего случившегося смысла сидеть здесь и далее – никакого нет. Все, накрывалась легенда. Хорошая, надо отдать должное, конструкция была. А ведь кто-то над ней работал, сил небось немерено положил. Вот и продержался я на этом месте так долго...

Делать однако нечего – дал сигнал. Как это, в свое время, и предусматривалось. Мол, задание выполнено, документы получены, обнаружил наблюдение. Прошу срочной эвакуации.

И ответ себя ждать не заставил. Прямо в квартиру письмо подсунули. Как? А бог весть...

Инструкции, несмотря на эзопов язык, были вполне понятными.

Прибыть в этот городок, прийти в пивную, заказать пива и ждать проводника.

Осталось дело за малым – незаметно исчезнуть. А учитывая наружное наблюдение, сделать это было весьма непросто. Пришлось вспомнить старое и, используя давно забытые навыки, лезть в пыли по чердаку. Переползти на соседнюю крышу, тихо переодеться в чистое платье и быстро топтать на вокзал. Удалось ли все сделать тихо?

Пока что хвостов вроде бы не видно. Но, учитывая уровень слежки еще в Берлине, надо думать, что и местные задействуют далеко не вчерашних школьников. Хотя здесь-то их откуда взять?

Поставив кружку на стол, Ролдугин осмотрелся по сторонам. Вечерело, и поэтому в пивной прибавилось посетителей. Прямо у стойки сидела компания юнцов – не иначе, студенты или учащиеся старших классов. Пришли они недавно и вели себя, на удивление, тихо. Совсем рядом с капитаном сидели двое пожилых мужчин – совершенно седые немцы, похоже,

что отставные военные. Они негромко переговаривались, рассматривая лежащие перед ними бумаги.

Эти пришли почти одновременно со мною, отметил Ролдугин. Сидят, в бумаги свои зарылись и ничего по сторонам не видят. Наблюдение? Не факт...

Троица молодых парней (странно, что не на фронте, возраст-то вполне подходящий) оккупировала столик в дальнем углу и о чем-то оживленно переговаривалась. Компания вела себя шумно, внимания ни на кого не обращала. Нет, это точно не наблюдение, парни меня и не видят-то толком. Уйду – и не заметят. Не они.

Подтянутый высокий немец. Щеточка усов, бакенбарды. Наглухо застегнутый сюртук, стальной взгляд. Сидит, словно кол проглотил. В глазу монокль поблескивает. Давно уже тут сидит, еще до того, как я появился. Перед ним четыре пустые пивные кружки, пьет, стервец, пятую. Как только еще не лопнул? Хотя пару раз выходил, надо думать, что в туалет. Оттого и сидит спокойно. Офицер? Разве что отставной или по ранению в запасе. Сколько ему? Двадцать пять... или около того. Нет, этот тип тут не по мою душу сидит.

Парочка солдат в углу. Ну да, где-то здесь госпиталь присутствует. А эти двое наверняка из команды выздоравливающих.

Еще какие-то люди входят и выходят, но надолго никто не задерживается.

Так, что-то делать уже пора. Сидеть здесь и дальше? Смысл? Проводник так и не появился. Плохо. Нет никаких шансов, что он до вечера появится здесь. Стало быть, надо уходить самому. Как – вот это уже другой вопрос. Но ничего другого мне не остается. Еще день – и мое отсутствие дома будет обнаружено. И немецкая контрразведка совершенно точно поймет, кого им надобно отловить. Для начала они дадут мои приметы, вполне возможно, что и фото, по вокзалам и погранпостам. Уже с завтрашнего дня меня станут искать весьма плотно и тщательно.

Вариантов нет, надо уходить. Найти здесь гостиницу, переночевать... а потом? Других вариантов отхода у меня нет. Разве что переть через границу самым нахальным образом? Не вариант, там и отловят. Или подстрелят.

Ладно, будем думать утром.

– Кельнер! Примите...

Рассчитавшись за пиво, капитан подхватил свой портфель и поднялся из-за стола. Движение это не привлекло ничьего внимания. Только парочка стариков метнула в его сторону мимолетные взгляды и снова вернулась к своему занятию.

Вот и выход. Дверь узкая, если будут брать – то здесь... нет, тихо все. Капитан слегка расслабился, и вспотевшая ладонь отпустила рукоятку браунинга.

Узкая улочка вела направо, пивная находилась в самом ее конце, и идти куда-либо еще было невозможно. Не лезть же, на глазах у всех, через забор? Не поймут. Благообразный господин – и лезет через забор? Да просто из принципа кликнут шуцмана – и все, на этом мое путешествие завершится. Нельзя к себе внимания привлекать.

– Герр Гашке?

Опа...

Преграждая дорогу, поперек улицы стояли несколько человек. У некоторых из них в руках поблескивали револьверные стволы. Стоявший впереди неприметный человечек приподнял шляпу, обращаясь к одинокому прохожему.

«Всё... нашли»...

– Вы уверены?

– Разумеется. Показать вам ваш портрет? И не хватайтесь за оружие – не успеете.

Топот ног, сзади подходят те самые молодые любители пива. И тоже – с оружием. Понятно, подстраховка, чтобы я никуда не ушел. А вот и та самая пожилая парочка. Что-то они слишком быстро подходят... никак, помолодеть успели?

Так... срисовали меня еще на вокзале, надо думать. Сидели в пивной и ждали, когда ко мне подойдет связной – взяли бы обоих. И эти, молодые и шумные, оттого и не глядели в мою сторону. Им это не нужно, они – силовая группа, а командуют всем эти самые псевдостарички.

– Что вам угодно, господа?

– Перестаньте разыгрывать комедию, герр Гашке! Сдайте оружие!

Все, это провал. Застрелиться? Не дадут, вон как у этих ребят стволы подрагивают – ждут любого подозрительного движения. Только шевельни рукой – прострелят.

– Кто вы такие, господа?

– Контрразведка, герр Гашке! Вам документы показать? Извольте, – собеседник отогнул лацкан сюртука, там блеснул полицейский значок. – Где документы?

– Что тут происходит, господа?

Это еще кого черти принесли?

А-а-а... тот самый любитель пива.

Подразвезло его все-таки изрядно, даже на ногах стоит нетвердо, к стене прислоняется. Но спесь так и прет!

– Проходите мимо, добрый господин! – обернулся к нему один из «старичков». – Полицейские операции вас не касаются!

– Я попросил бы вас! – возмущается тот. – Как вы разговариваете с офицером?!

Все-таки офицер... даже, наверное, не отставник – ишь как его задело!

– Ганс, покажите господину офицеру свой жетон... – устало говорит «старичок».

Один из молодых любителей пива лезет в карман и что-то показывает офицеру.

– А-а-а... ну... понятно! Вдвятером ловить мелких жуликов, конечно, проще, чем полировать брюхом грязь на фронте. Ладно... занимайтесь своими делишками, господа.

Офицер отмахивается от Ганса рукой, но делает это настолько неуклюже, что попадает ему пальцами по глазам. Тот вскрикивает, наверное, больно оказалось, и роняет на землю свой жетон.

На секунду все отвлекаются на это действие.

Ках!

Ках!

А в руках у офицера уже блестят металлом пистолетные стволы.

Сбитые пулями, на землю падают оба «старичка».

– Ложись!

А ведь он по-русски кричит!

Не дожидаясь более ничего, Ролдугин ничком падает на землю.

И вовремя!

Над его головой тут же противно взвизгивают пули.

Ну, чтобы не использовать столь благоприятный момент – это надо совсем уж глупым человеком быть! Выдернув из кармана браунинг, капитан удачным выстрелом вывел из игры одного из противников, и тот кулем осел на землю. Второй, получив пулю в живот, роняет свое оружие и с криками катается по мостовой.

К-р-р-р...

Словно коленкор разорвали.

Стоявших впереди контрразведчиков как метлою смело! Обернувшись назад, Ролдугин заметил, что противников осталось совсем немного. А точнее – двое.

Полуослепший Ганс и один из любителей пива, судорожно вытаскивающий из кармана револьвер. Тот, как назло, запутался в брюках и никак не желал вылезать на свет божий.

Но у офицера, по-видимому, кончились патроны. Бросив на землю пистолеты, он выхватывает откуда-то нож и в прыжке загоняет его пивохлёбу под ребро. Вскочив на ноги, капитан приставил ствол браунинга к голове Ганса.

– Шевельнешься – и мозги твои будут на стене!

– Н-н-нет, добрый господин... я молчу, молчу!

Ках!

Ганса отбрасывает в сторону, и он тряпичной куклой сползает вдоль стены.

– Зачем?! – поворачивается к офицеру капитан. – Он был уже не опасен.

– Да? А на руки взглянуть?

И в самом деле – из разжатой ладони контрразведчика вываливается револьвер. И когда он только успел его достать?

– Хорошо, что я смог чужое оружие подобрать, перезарядиться уже не успевал... – офицер поднимает с земли свои пистолеты.

– Так это вы за револьвером так прыгали?

– Ну да. Он на земле лежал – совсем рядом. Ну, и этого, – кивает офицер на зарезанного противника, – попутно обезвредил...

– Простите, но, если я правильно понимаю, то вы...

– Правильно понимаете. Проводник.

– Так отчего же вы тогда...

– Ждал-то? Ну, а что ж вы еще хотели, милостивый государь? Эти старики за вами сразу же пришли, а потом уже и вон та троица подтянулась. Они связного ждали, и до тех пор пока вы из пивной не вышли, брать вас не стали бы. А мне надо было понять, сколько их здесь всего. Могло ведь и так быть, что если мы с вами вдвоем вышли бы на улицу – тут нас обоих и спеленали тогда разом. Сейчас мне внезапность помогла, не знали они, что вы не один. А тогда? Иначе все могло получиться-то...

Петроград, 1917

Военное министерство

– Ваше превосходительство! Прибыл капитан Ролдугин.

– Просите его ко мне, – поднял голову от бумаг генерал Сомов.

Закрыв за спиной дверь, капитан сделал несколько шагов вперед и вытянулся.

– Ваше превосходительство! Капитан Ролдугин по выполнению задания прибыл в ваше распоряжение.

– Без чинов, господин капитан. Присаживайтесь, – генерал указал посетителю на кресло около стола. – Как добрались?

– Не без приключений, Виктор Петрович. Был момент – уже отходную читать собирался. Спасибо Проводнику – помог.

– Вовремя?

– Да еще как! Прямо как чертик из табакерки выскочил! Девять человек немцев-то было, так он семерых покосил! Я только по двоим и успел выстрелить. И потом, как через границу шли – так истинно Ринальдо Ринальдини! По кустам тихо пробирался, веточка не хрустнула. А я, как медведь, сучьями трещал! Аж пот градом тек, думал, что услышат немецкие стражники. Но Бог миловал – не заметили нас.

– Тихо, стало быть, прошли?

– Тихо, Виктор Петрович. Ну, а дальше-то намного проще было. Маршрут проработан был, надо думать. И билеты куплены, и номера в гостинице – все организовано по высшему разряду.

Генерал молча покивал, соглашаясь с собеседником.

– Замечания какие-нибудь?

– Никаких, Виктор Петрович. Все было правильно.

– Ваше мнение, Олег Иванович, очень много для нас значит. Подумайте еще раз – так уж ли было аккуратно? Мало ли... Сами знаете, тут словечко вырвалось, здесь жест неловкий... вот и подозрение возникло!

– Нет, Виктор Петрович, все было должным образом организовано. Спутник мой вел себя безукоризненно. Как он офицером представлялся – даже и сам я поверил! А уж видел-то их... По мне, так большой артист в нем пропадает. Только что офицером был – и вдруг уже носильщик. Иной день – служащий банковский. И ведь на него глядя – всему веришь. Немецкий язык ему как родной. И по-французски говорит – никто и бровью не повел. Сам-то я в этом языке не слишком силен, однако ж акцент заметить смогу. Чисто он говорил.

– Это, Виктор Петрович, для нас вопрос не праздный. Человек сей не вас одного проводил. И впредь дела ему такие предстоят. От того же, как чисто задание свое он выполнит, не одна жизнь зависеть может. Чай вы не на бал собирались и не на пикник. Сведения важные несли, отечеству нашему весьма необходимые. Немало жизней человеческих от того пресечься могут. Должен я твердо быть уверен в надежности пути этого. Иначе не могу рисковать, других людей по маршруту сему отправляя. Подумайте еще раз, Олег Иванович. Не тороплю вас, ибо ответ мне нужен точный и обстоятельный.

Ролдугин замолчал, мысленно прокручивая в голове подробности произошедшего с ним в последние дни.

– Нет, Виктор Петрович, никаких таких ошибок не усматриваю. Правильно себя человек этот вел, ничего иного сказать не могу.

– А что вы его так называете? Или имя его вам неизвестно?

– Ну, не по немецким же бумагам его звать-величать? А иначе он никак не представлялся. Мол, проводник – и точка. Да, собственно говоря, у нас и разговоров-то с ним особых не было. Мне он вопросов не задавал, да и я его ни о чем не расспрашивал. Только когда сделать что надо было, тогда только он рот и открывал. Мол, идем туда-то, там будет то-то и так-то. Меня в данном случае именовать таким-то, а свое имя – в документах прочтете, там и легенду свою отыщете. Буду все время рядом, только не очень от вас близко. Сигналы опасности – такие-то. И всё на этом, более ничего не говорил. А как до нужного места дошли – пропал, будто никогда и не было его. Прямо-таки привидение ночное, утра дождавшееся.

– Так-так-так... Проводник, говорите? Так его все и кличут, между нами говоря. Ну, что ж! – генерал встал, давая понять собеседнику, что разговор закончен. – Ждет вас, Олег Иванович, назначение иное, тоже весьма ответственное. А про господина сего – забудьте, вроде как привидение он и есть. За труды ваши от отечества благодарность в свое время воспоследует, не сомневайтесь. А пока – отпуск вам полагается. Так что заместитель мой, полковник Иванютин, вас уже дожидается. Можете быть свободны, господин капитан.

– Слушаюсь, ваше превосходительство!

Петроград

Вечером того же дня

Квартира генерала Сомова

– И что ж ты думаешь, Михаил Николаевич?

– Даже не знаю, что и сказать... Черт его знает, как оно все выйти может... Но анализируя последние события, выводы я могу сделать весьма странные. Гости эти... черти бы их утащили. Ты-то сам что думаешь? – гость генерала, хоть и был одет в партикулярное платье, имел офицерскую выправку. А внимательный и властный взгляд серо-стальных глаз выдавал в нем человека, привыкшего к безусловному подчинению окружающих.

– А что тут думать? Смотри сам, все одно к одному складывается, – генерал стал загибать пальцы. – Заметь, задания выдавались в разное время и для обеспечения проведения разных операций, часто работа шла параллельно, мы проверяли сразу несколько источников. Июнь

шестнадцатого года – подготовка флота к ведению набеговых операций. От нас требуют срочные данные по целому списку вопросов. Наши люди, едва начав работу, обнаруживают, что их интерес в данной области предварен противником. Итог – один человек раскрыт, задержан, и о его судьбе мы ничего не знаем. Второй – раскрыт, эвакуирован в самый последний момент. Флотская операция отменена сразу же, как только мы получили известия о судьбе наших людей. Не исключено, что и по этой причине, в том числе. Август – от нас затребована информация по состоянию химической промышленности. Якобы немцы приступили к разработкам нового отравляющего вещества. На поверку все это оказывается ложью и хорошо подготовленной операцией по выявлению наших агентов, способных эту информацию предоставить. Итог – капитан Мельников разоблачен, оказал сопротивление агентам контрразведки, застрелился при задержании. Один человек бежал, убит при переходе границы. Такие же подходы произведены в ноябре, и вот последний – январский случай. Общий итог таков: наши безвозвратные потери – пять человек. Часть погибла, часть арестована. Двое пропали без вести, вероятно, тоже схвачены немцами. Четверо эвакуированы в самый последний момент. Резидентуры понесли весьма существенные потери. Во всех случаях этому предшествовали запросы из канцелярии министра. Нельзя сказать, что мы работали попусту – кое-что добыть удалось, причем весьма и весьма ценное. Только вот к *основному* вопросу это отношения не имело никакого.

– Немцы?

– Хуже, Михаил Николаевич! Цепочку я эту до конца размотал.

– И кто ж на противоположной стороне сидит да за нее дергает?

– Союзники наши – англичане! Общий порядок таков: они предоставляют министру информацию, тот требует от нас проверки.

– Нормальное дело. Всегда так бывало.

– Угу. Только вот англичане по своим каналам информируют немцев о том, что ожидается активность агентуры противника в указанных ими областях. Тем остается только расставить свои капканы.

Собеседник генерала кивнул.

– Да, активность англичан, их попытки перекупить или устранить наших людей я тоже замечал. Даже и наверх докладывал.

– Угу... про ответ тебя и не спрашиваю. Потери были?

– А то ж! Ну, да и мы в долгу не остались... война, брат... всякое бывает. Так что моих людей они трогать пока опасаются.

– Пока...

– Да. Это ты прав. От меня уже затребовали объяснений. Эти вчерашние адвокатишки, внезапно ставшие вершителями судеб громадной страны, совсем потеряли голову.

– А было что терять?

Штатский ухмыльнулся. Поднялся с кресла и, подойдя к столу, налил в две рюмки коньяка. Одну взял себе, а вторую отдал генералу.

– Думаю, что нет. Подводя итог, скажу – это целенаправленные действия английской разведки на уничтожение нашей агентуры. Иного не вижу. Что-то в наших краях всякие люди непонятные стали мелькать. Вроде бы – и по делу, а впечатление у меня сложилось, что не по тому...

– И у меня на днях появился какой-то «уполномоченный». Прямо он, конечно, в агентурные дела не лезет, все-таки голова у него есть. Но уже сам факт его неожиданного появления у нас... Более того, сейчас рассматривается вопрос о моем отстранении от должности.

– Это еще почему?

– Смеяться будешь – за эти самые провалы! Причем Поливанов³ в этом деле – с боку припёка, тут чья-то другая рука видна.

– И кого же прочат на твое место?

– А вот – полюбуйся! – генерал открыл ящик и вытащил из него тонкую папку. – Очень уж *перспективный* господин... негде клейма ставить.

– Ну-ка... – гость поставил рюмку на стол. – Угу... а ведь я про него слышал... да...

– Впечатляет?

– Мерзость!

– Зато – видный общественный деятель. Демократ – так, кажется, у них это называется?

– Социал-демократ.

– Один хрен – мерзавец!

– И... когда?

– Боюсь, что скоро. А там и до тебя постараются дотянуться.

– Ну, это мы еще посмотрим, кто кого... Делать-то что будешь?

– Дал команду на эвакуацию тех агентов, в чьей безопасности не уверен. Постараюсь спасти хотя бы их. Собрал и подготовил все материалы по активности англичан. Только вот – кому их передать? Кому они здесь нужны? Сразу же в посольство и побегут – продавать. Разве что... возьмешь, Михаил?

– Копию сделай – возьму. Ну, а ты свои экземпляры спрячь получше. Найдешь куда?

– Найду. Настолько-то я еще не обессилел. Есть у меня люди верные.

– Тогда... вот что... есть у меня тоже кое-что любопытное. Вот эти-то данные я тебе тоже подброшу. Что бы с нами обоими ни приключилось, а бардак этот, рано или поздно, к своему концу подойдет. И вот уж в то время! Тогда и спросить можно будет кое с кого... Наши дела, как ты помнишь, сроков давности не имеют... Иные *бумаги* и через сто лет стреляют.

Хельсинки, 1917

Два месяца спустя

Частная квартира

Генерал Сомов, стоя у окна, проводил взглядом шедшую по улице женщину. Теплеет, вот и они стали понемногу распушать перышки.

(Да-а-а... где мои молодые годы? И ведь что интересно – со временем девушки становятся все красивее и привлекательнее! И чем старше становлюсь я сам, тем сильнее это замечаю. Признак старости? Не рано ли?)

Покачав головой, он вернулся к столу и взял в руки раскрытую папку.

Итак, на чем я остановился?

«... Штабс-капитан Шведов Александр Иванович. Родился 23 апреля 1893 г. в Харбине, в семье советника русского посольства, барона Шведова Ивана Михайловича. Мать – урожденная Аникеева Анна Михайловна, из дворян Тамбовской губернии.

В 1905 г. отец был переведен в российское посольство в Париже. А в 1907 г. семья переехала в Берлин, где он был назначен советником посольства.

В 1908 г. Шведов поступает в Берлинский университет Гумбольдта на кафедру юриспруденции. Закончил обучение в 1913 г.

В совершенстве владеет немецким и французским языками, китайским, может разговаривать по-японски. В Китае изучал различные виды местной борьбы, учился у видных мастеров классической борьбы в Берлине.

---

³ Военный министр Временного правительства.

Хорошо владеет холодным оружием. Фехтует на саблях и рапирах, в университете имел славу завзятого дуэлянта. Умеет обращаться с кинжалом. Стреляет из револьвера и карабина. По настоянию отца, в течение трех лет брал уроки стрельбы из револьвера.

В 1913 г. поступил на службу в отдельный корпус пограничной стражи, вольноопределяющимся. По сдаче им соответствующих экзаменов был произведен в прапорщики. Тогда же попал в поле зрения нашей службы. После соответствующего предложения отчислен из корпуса, в течение года проходил подготовку.

Впервые приступил к работе в декабре 1914 г. Профиль – разработка и организация маршрутов эвакуации и переправки людей, подготовка баз и конспиративных квартир.

Оперативный псевдоним – “Проводник”.

В 1915 г. принимал участие в подготовке и обеспечении эвакуации трех агентов Генерального штаба. Организовал нападение на полицейский участок с целью отбития одного из них, для чего в течение двух дней создал себе группу прикрытия из местных уголовных элементов. Легенда – освобождение за деньги крупного международного мошенника. Операция прошла успешно, никто не пострадал, раненых и убитых с обеих сторон не было. После этого случая пользуется авторитетом в преступном мире Германии, где известен под кличкой “Франт”.

С 1916 г., в дополнение к основным функциям, выполняет также работы по прикрытию некоторых особо важных агентов. Организация контрнаблюдения, оперативного прикрытия, закладка и съем тайников.

Располагает группой поддержки, организованной им самим из числа лиц, постоянно проживающих на территории Германии, Бельгии и Швеции. Во всех случаях использует в качестве прикрытия легенду о своем криминальном прошлом и имеющиеся связи в местном преступном мире.

В октябре 1916 г. произведенная негласная проверка деятельности не выявила никаких упущений в работе Шведова. Даны рекомендации по ее совершенствованию.

В 1917 г. присвоено звание штабс-капитан.

Награжден орденами Св. Анны третьей степени с мечами и бантом и Св. Станислава третьей степени с мечами и бантом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.